

И В А Н П А Н К Р А Т О В

БЕСТЕНЕВАЯ ЛАМПА

Безвыходных положений не бывает,
бывает - выходить не хочется...

Издательство
"Альтернативная
Литература"

Бестеневая лампа

Иван Панкратов

Бестеневая лампа

«Альтерлит»

2022

УДК 82-312.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панкратов И.

Бестеневая лампа / И. Панкратов — «Альтерлит»,
2022 — (Бестеневая лампа)

ISBN 978-5-4219-0015-3

Роман «Бестеневая лампа» — настоящая «врачебная проза». Он написан профессиональным врачом о жизни врача. Благодаря этой книге у читателя есть шанс узнать изнутри мир, с которым так или иначе сталкивается каждый. Хирург Виктор Платонов начинает свое профессиональный путь в военном госпитале. Перед ним предстает множество непростых людских судеб. Молодой врач старается следовать традициям старой врачебной школы и быть достойным наследником седых апологетов анамнеза и осмотра. Насколько это возможно в наше время — он узнаёт в процессе сложнейшей работы, а читатель видит изнанку мира лечебных учреждений. Личную жизнь самого Платонова тоже не назвать простой. Победы и поражения, дружба и предательство, любовь и ненависть — всё есть в жизни врача. В свете бестеневой лампы нельзя утаить никакие человеческие эмоции, поступки, особенности характеров, и читателя они не оставят равнодушным.

УДК 82-312.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4219-0015-3

© Панкратов И., 2022

© Альтерлит, 2022

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Часть первая	9
1	10
2	18
3	27
4	35
5	44
6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Иван Панкратов

Бестеневая лампа

В книге полностью сохранен авторский стиль.

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах». Воспроизведение книги любым способом, целиком или частично, без разрешения правообладателей будет преследоваться в судебном порядке.

© Панкратов И., 2022

© ООО «Альтернативная литература», 2022

* * *

От автора

Одним эта книга может показаться сухим и занудным учебником военно-полевой хирургии. Другим – инсайдерским откровением врача со стажем более двадцати лет. Но это ни то и ни другое.

Это рассказ о старой врачебной школе, которая причудливо преломляется и отражается в нас, теперешних докторах. В тех, кто ещё успел застать седых апологетов анамнеза и осмотра, пытаясь быть хоть в чем-то похожими на них, быть достойными их памяти. Правда, это не всегда получается...

Я посвятил книгу своему деду, Владимиру Николаевичу Опоцкому (1919–2013) – хирургу, создавшему нашу династию. Мастеру своего дела, отдавшему медицине всю жизнь. Этот человек учил меня тому, что я умею сейчас – лечить, думать, смотреть, анализировать, принимать решения.

Мне повезло – я, как и Ньютон, стоял на плечах гигантов. Мне, словно скрипачу, ставили руку – только в ней был не смычок, а скальпель. За пять минут показывали то, к чему другие приходили десятилетиями методом проб и ошибок. Мне загадывали загадки – и не подгоняли с ответом. Подсовывали книги, рентгеновские снимки, истории болезни – и терпеливо ждали, когда всё это отложится в голове молодого хирурга.

Конечно, здесь будут не только врачи. Без пациентов и друзей эта книга не появилась бы на свет. Непременно женщины – куда ж без них? И всё это высветится в лучах бестеневой лампы – без прикрас, без купюр. Всё, как есть.

Но вы же понимаете – все совпадения случайны, все персонажи вымышлены.

И ни один пациент не пострадал.

Анестезиолог, поправьте свет. Мы начинаем.

Предисловие

Известно, что писательство, сочинительство – это не профессия, а вредная привычка. А вот врач – одна из самых уважаемых профессий на планете. Подавляющее большинство людей на протяжении всей жизни легко обходится без художественной литературы. А вот к медицинской помощи прибегает каждый смертный: по крайней мере, в цивилизованных странах.

Поэтому, если меня спросит какой-нибудь юноша со взором горящим, быть ли ему литератором или врачом – я отвечу: «Только врачом!» Это так же надёжно и престижно, как писательство.

За подтверждением можно обратиться к Конан-Дойлю, Вересаеву, Чехову, Булгакову, Аксёнову: все они начинали свой путь с медицины.

Должен уверенно заявить, что эта профессия – лучшая для писателя. И вот почему. Врач ежедневно сталкивается с человеческим страданием, наблюдает людской род с неприятной стороны. Видит то, что обычно сокрыто от обывателя: кровь, гной, ужас, отчаяние, отнятые конечности – и, наконец, смерть во всей её кошмарной неизбежности. Одновременно он подмечает и другое: как люди преодолевают болезни и выздоравливают. Сегодня пациент лежит на операционном столе, готовится испустить последний вздох и зовёт нотариуса для составления завещания – а спустя месяц, глядишь, выписывается, смеётся, передумал умирать.

Так понемногу приобретается знаменитый врачебный «профессиональный цинизм», который на самом деле никакой не цинизм, а просто опыт.

Но и писатель тоже работает с человеческим страданием. Более того, он его ищет. Его тянет туда, где кровь, боль и смерть. Ведь если не видел этого – ты не писатель никакой. И вот сочинители отчаянно рвутся в те места, где можно получить экстремальный опыт, едут воевать, сидят в тюрьмах, отправляются в самые дальние и опасные путешествия.

А у врача всего в избытке прямо на рабочем месте.

Итак, перед нами роман Ивана Панкратова: вполне традиционные записки военного хирурга, причём потомственного, в третьем поколении.

Конечно, это, прежде всего, классический производственный роман со множеством профессиональных деталей и подробностей. Особенно ценно, что есть юмор автора – не только специфический врачебный, но и писательский тоже. Его отметим особо: дело в том, что юмор в русской литературе – в большом дефиците. У нас на одного весёлого Довлатова приходится тридцать угрюмых Солженицыных.

Но эта книга создана не для того, чтобы повеселиться.

Лично мне «Бестеневая лампа» напомнила сочинения Артура Хейли – когда-то очень модного американца, мастера производственного романа, воспевавшего профессионализм и квалифицированный труд.

Мы ведь давно поняли, что миром управляют профи.

«Бестеневая лампа» – история именно профи, человека на своём месте, обладателя специальных знаний.

Герой «Лампы» – вполне объёмный, живой, ничто ему не чуждо; он мечтает о карьере, думает о деньгах, заводит служебные и внеслужебные романы, но всё главное в его жизни происходит на работе, в операционной.

Что же мучает его, молодого военного хирурга, капитана Платонова – списанного, надо думать, с самого автора?

Мы ведь понимаем, что у героя должен быть внутренний конфликт. Глубокое душевное сомнение.

У него есть волшебная палочка: дед, опытнейший хирург, прошедший войну, сделавший тысячи операций, спасший тысячи жизней. Патриарх, для которого нет секретов и тайн, и о нём внук говорит так: «дед знал про армию всё и даже немного больше».

Ему, старику, пенсионеру, и адресован главный вопрос капитана Платонова:

– Ты же видишь, как изменилась медицина, как изменились люди – скажи, дед, мы деградируем?

Вопрос, честно сказать, страшный.

Ответа на него нет. В хорошей книге его никогда нет, зато есть точно поставленные вопросы, а решение каждый читатель находит сам.

Дед героя говорит так:

– Не растеряйте это. Старую школу не профукайте. Пока мы живы...

Название «Бестеневая лампа» намекает на полную правдивость, откровенность. Ничто не остаётся в тени. Нет обстоятельств, о которых автор пытается умолчать. Лучом света выхвачены мельчайшие подробности: тут и карьеризм, и непрофессионализм, и дедовщина, и сокрытые правонарушения, и глупость пополам с разгильдяйством. И, наконец, вечный, неизбывный армейский бардак.

Роман начинается как набор новелл, расположенных последовательно, наподобие вертикального сериала. В большинстве случаев на помощь капитану Платонову приходит уже упомянутый его дед-ветеран, выступающий одновременно и ментором, и спасителем ситуации. Но затем история ускоряется, возникает сюжет и саспенс: и солдатики оказываются не так уж и просты, и военврачи демонстрируют лучшие качества, заслоняют друг друга от пуль, спасают коллегам репутации. Явных героев нет, но нет и негодяев, все амбивалентные, каждый прав по-своему. Всё это вызывает в памяти то романы Германа-старшего, то советский телефильм «Дни хирурга Мишкина», то американский сериал «Больница Никербокер».

Рискну заявить, что современная военная хирургия образца последнего десятилетия нынешнего века впервые описана столь подробно, интересно и необычно.

Есть у романа и недостатки: иногда многословие, иногда уход из производственного жанра в анекдот. Но, к счастью, это не портит общего впечатления. Автора выводит ясный, точный и простой язык, а также остроумие, и наблюдательность – умение видеть то, чего не замечают другие.

Читателю романа «Бестеневая лампа» повезло.

Прочитаешь – и хочется жить.

Прочитаешь – и веришь, что однажды тебя спасут, вытащат.

Соберутся умные взрослые люди и будут спорить, какие у пациента температура и гемоглобин, что видно на рентгеновском снимке. Потел ли больной и каков его аппетит.

Лично я рад, что у нас теперь есть такая книга; что создан роман, в котором описан труд человека, его сомнения, ошибки и удачи.

*Андрей Рубанов,
российский прозаик, кинодраматург*

Часть первая
«Итальянский метод»

*И хотя его руки были в крови,
Они светились, как два крыла...*
«Наутилус Помпилиус» – «Воздух»

1

В тот день случилось событие, которое изменило жизнь Виктора Платонова – сержант Терентьев сломал челюсть рядовому Липатову.

Вроде не первый буйный сержант в армии, не первая сломанная челюсть – но карты легли так, что плохо от удара стало не только Липатову.

Избежать драки было невозможно. Терентьев, само собой, понятия не имел, кого он встретит в госпитальной палате, когда зайдёт туда. Липатов же не ожидал увидеть сержанта, которого он полтора месяца назад послал нахрен из окна вагона на какой-то безымянной сортировочной станции под Томском. Причём тогда он сделал это очень смело – поезд уже отъезжал, и высунуть в окно средний палец казалось делом совсем неопасным. Но Министерство обороны распорядилось таким образом, что всех привезли в итоге в один город: Липатова – служить, а Терентьева – дослуживать.

Всё, что успел сержант сделать, войдя в палату, так это положить на кровать мыльно-рыльные принадлежности и обвести всех взглядом. Спустя секунду он бил Липатова наотмашь в скулу.

Их растащили мгновенно, но из угла рта пострадавшего уже текла струйка крови, а сержант растирал ладонью левой руки костяшки на правой – уж слишком хорошо он вложился в этот удар.

На шум в палату вбежала медсестра Светлана. Понять, что произошло, из диспозиции «Все держат Терентьева, а Липатов у окна прижимает руку к лицу» было очень просто. Она выругалась коротко, но ёмко – и рванула в ординаторскую.

Платонов, оставшийся на обед, сидел в кресле, закинув ноги на стол и читая новый роман Стивена Кинга. Услышав, как открылась дверь, Виктор быстро скинул ноги на пол. Света ворвалась вихрем:

– В третьей палате драка, Виктор Сергеевич!

Платонов встал с кресла.

– Пойдём глянем, что к чему...

К тому времени инцидент себя исчерпал. Липатов сидел на кровати и щупал пальцами постепенно опухающую щеку. Пара его товарищей была рядом – на всякий случай, если Терентьев полезет снова. Сам виновник драки стоял в углу, сослуживец из части слегка придерживал его плечом.

Платонов вошёл вслед за медсестрой, осмотрел поле боя, приблизился к рядовому и встал напротив так, чтобы свет падал тому на лицо. Взял аккуратно за подбородок, покрутил голову в разные стороны.

– Рот открыть сможешь?

Тот попробовал, сумел раздвинуть губы на сантиметр и охнул.

– Где болит?

Липатов указал на левую половину лица, у самого угла челюсти.

Платонов прошёлся там пальцами, отметил неровность контура, вздохнул, повернулся к медсестре.

– Программа такая. Липатова в рентген – без истории болезни. Пусть опишут на отдельном листе. Что делать, чуть позже сообразим. С этого героя, – он указал на Терентьева, – объяснительную. Со всех, кто в палате – тоже. Вариант «Я спал и ничего не видел» – шаг в сторону досрочной выписки в часть. Широкий шаг. Уверенный, я бы сказал.

Он подошёл к сержанту. Тот смотрел на него безо всякой злобы, прекрасно понимая, что натворил.

– Руку покажи, – Платонов протянул к нему ладонь.

Терентьев показал. Костяшки были с виду целыми, но багрового оттенка.

– Возьми мои два пальца, зажми в кулаке.

Сержант сжал – крепко, никакой слабости Виктор не ощутил.

– Болит?

Терентьев отрицательно покачал головой.

– Этому рентген не надо, – сказал для сестры Виктор. – Из третьей палаты переместить его в пятую, к офицерам. Появишься рядом с третьей – поедешь в комендатуру сразу же, не дожидаясь дознавателя, – пояснил он, глядя в глаза сержанту. Тот молча взял с кровати свой пакет и вышел в коридор.

Света махнула Липатову рукой. Солдат встал и направился вместе с ней на рентген.

Платонов обвёл всех взглядом и напомнил:

– Через десять минут жду объяснительные в кабинете. И там чтобы чётко написано было, кто кого ударил. Время, – он посмотрел на часы, – тринадцать пятнадцать. Это чтобы показания у вас не сильно расходились. Все всё поняли?

Вразнобой послышались утвердительные ответы.

– Вот и прекрасно.

В коридоре Виктор увидел, как разводящая санитарка с Липатовым спускаются по лестнице, достал радиотелефон, позвонил Ковалёву в рентген и вкратце описал ситуацию. Было такое далеко не впервые, травму сначала проще диагностировать и только потом по ней докладывать – начальнику, ведущему хирургу и командиру. На отдельном листочке это писалось на случай, если можно было как-то скрыть происшествие, но в данном случае Платонов такой возможности не наблюдал. Перелом челюсти не синяк на попе – его теперь в стоматологическое отделение придётся переводить, шинировать. Плюс страховка положена.

Виктор вздохнул. На этот раз мимо командирского гнева они вряд ли проскочат. Драка в отделении, перелом, доклад в округ – тянет как минимум на выговор, а то и на неполное служебное соответствие. Могло случиться всё что угодно. И Рыков ещё, как назло, в отгуле после дежурства по части. Надо бы ему доложить...

Платонов позвонил. Начальник не ответил. Не взял трубку, хотя Виктор выслушал почтительному долгий отстук гудков. Значит, придётся решать ситуацию самому.

– Давай, капитан, разруливай, – сказал он сам себе.

Для начала он решил дождаться снимка и его описания. Потом спросить у начальника стоматологии, как быть в этой ситуации, и уже с полученными результатами докладывать ведущему хирургу. На этот план он отвёл минут двадцать, максимум двадцать пять. Нашёл в органайзере контакт санитарки, что ушла с Липатовым, позвонил, попросил её потом со снимком заглянуть в стоматологическое отделение – благо, оно было там напротив, чтобы показать снимок Кузнецову.

– И сразу бегом ко мне, – добавил он в конце разговора, закинул ноги на стол и вернулся к чтению.

На столе запиликала радиотрубка местного телефона. Виктор разочарованно посмотрел на часы и со словами «Даже в обед достанут...» ответил на звонок.

Вызывающе любезный голос командирской секретарши Анжелы:

– Виктор Сергеевич, вас срочно командир вызывает.

Платонов поначалу хотел сопоставить этот звонок с происшествием в отделении, но по временным интервалам никак не получалось – если только у санитарки не было командирского телефона, или если лично Ковалёв вдруг захотел его сдать.

– Да мало ли что там, – сказал Виктор сам себе. – Переодеться надо.

Он вытащил из шкафа форму и принялся переоблачаться из хирурга в капитана медицинской службы. Это был непреложный порядок вещей – в штаб в халате не ходят.

– Почему у меня сёстры Света, Наташа, Ольга, а у полковника секретарша обязательно Анжела? – задал он вопрос в пустоту ординаторской. – Следующая будет Снежана, наверное. Или Виолетта.

Он поправил галстук, посмотрел на туфли, достал из тумбочки небольшой кусок шинельной ткани, прошёлся по носам, остался доволен. Перед уходом заглянул в отделение и удовлетворённо отметил, как солдаты складывают листочки с объяснительными на стол медсестре.

– Приду и ознакомлюсь, – громко сказал он Светлане. – Я к командиру. Надеюсь, недолго.

До штаба было рукой подать, Виктор прошёл это расстояние, радуясь хорошей погоде и вспоминая на всякий случай статистику отделения за последний квартал.

Но статистика не пригодилась.

Когда он появился в приёмной командира, Анжела подняла скучающий взгляд, махнула головой в сторону кабинета и вновь уставилась в компьютер. Платонов постучал и через секунду, не дожидаясь приглашения, вошёл.

– Товарищ полковник, капитан Платонов по вашему приказанию прибыл, – отрапортовал он, стоя в дверях. Командир, большой, грузный, лысоватый полковник Зубарев сидел не в своём рабочем кресле за большим столом под портретом Медведева, а на кожаном диване напротив двери, где обычно располагалась дежурная смена во время докладов. В руках он держал чашку с дымящимся кофе. На столике рядом располагалась бутылка – предположительно виски.

Зубарев поставил чашку рядом с бутылкой, встал.

– Прибыл – это хорошо, – кивнул он капитану. – Это единственное хорошее за сегодня, что с тобой, Платонов, случилось.

Виктор напрягся. Командир точно не мог знать про драку. Всё остальное не несло в себе существенной угрозы – не сданные вовремя отчёты, непроверенные лазареты в частях и прочие мелочи не относились к тому, за что расстреливают.

– Фамилия Липатов тебе о чём-нибудь говорит? – Зубарев сделал пару шагов навстречу Платонову.

Виктор понял, что всё каким-то таинственным образом выплыло наружу.

– Так точно, товарищ полковник, – отчеканил Виктор. – Рядовой Липатов находится в моём отделении с диагнозом «Флегмона правой голени» с двадцать пятого июня. Выздоровливает, подготавливаем к выписке.

– А по моим сведениям, – командир наклонился к Платонову, – рядовой Липатов сейчас находится в рентгенотделении, потому что какая-то сволочь ему челюсть раздолбала у тебя под носом!

Платонов несколько секунд молчал, но потом понял, что скрывать больше нечего и лучше стать тем, кто доложит первым. Хотя выходило, что он уже второй.

– Так точно, товарищ полковник, – сказал он, словно и не было предыдущей информации по Липатову. – Пятнадцать минут назад в отделении произошла драка между рядовым Липатовым и сержантом... Не могу вспомнить фамилию, он только поступил, только в отделение вошёл и сразу врезал, как я понял.

– Как интересно, – сухо сказал командир. – Дальше.

– В настоящий момент происходит диагностический процесс, – Виктор говорил максимально казённо, чтобы создать иллюзию полного контроля над ситуацией. – В связи с подозрением на закрытый перелом нижней челюсти слева я направил его в рентген, чтобы с полученными данными обратиться непосредственно к ведущему хирургу.

– Рыков где?

– В отгуле по вашему приказу. Разрешите вопрос, товарищ полковник?

Зубарев кивнул.

– Откуда вы знаете?

Это было смело, но деваться некуда – узнать лично от командира, кто стучит на тебя в госпитале, бесценно.

– Да ты хоть в курсе, кто такой этот Липатов? – Зубарев отступил назад и сел на диван. Он взял сначала чашку кофе, но потом вернул её на стол, достал откуда-то снизу рюмку и налил виски.

– Никак нет, – ответил Платонов. – Но сейчас стал догадываться, что не всё так просто...

– Сообразительный, – Полковник выпил рюмку, поморщился. – Липатов, чтобы ты знал, капитан – сын одного известного на Дальнем Востоке политика. Этот политик в преддверии выборов решил сына в армию отправить, чтобы с этой стороны не зацепили его чёрным пиаром. Отправил, подстраховавшись таким образом, что служить он будет тихо, спокойно, у связистов...

– Наверное, не все его там, у связистов, любили, – перебил Платонов. – Потому что флегмона голени у него не просто так появилась.

– Ему «шины сдули»? – прищурившись, спросил Зубарев.

– Оно самое, – кивнул Виктор. – Но при поступлении травму подтвердить не представлялось возможным – кровь нагноилась, а он сам удар отрицал. Солдаты ведь с радостью только на офицерские побои рапорты пишут, а на сослуживцев – не допросишься, им потом в часть из госпиталя возвращаться. И раз нашёлся в части кто-то, кто его пнул, то наверняка было за что, потому что сержант этот, по рассказу медсестры, даже не думал особо. Сразу в морду заехал, без предисловий.

Полковник помолчал, прищурившись, потом спросил:

– Объяснительные собираешь?

– Конечно.

В кармане брюк запиликал телефон.

– Ответь, – приказал Зубарев.

На экране отобразился номер Ковалёва. Платонов выслушал доклад рентгенолога.

– Открытый перелом нижней челюсти слева в области угла. Плюс два зуба откололись, шестёрки, сверху и снизу. Собственно, поэтому и ставит открытый, – пересказал Виктор командиру услышанное. – Рядовой Липатов отправлен со снимком к начальнику стоматологического отделения майору Кузнецову для определения тактики лечения.

Зубарев налил вторую рюмку, вытер ладонью лысину, выпил, закашлялся. Платонов терпеливо ждал реакции. Через минуту, когда приступ кашля закончился, раскрасневшийся полковник взял свой телефон, набрал там кого-то.

– Приветствую ещё раз, Герман Владимирович... Разобрался... Да, травма подтвердилась, но ему уже оказывают помощь в полном объёме... Да, перелом есть... Зашинируют, Герман Владимирович. Всё восстановится. Да, ему за это ещё и страховка положена... Нет, с таким не увольняют. А с тем, кто его избил, прокуратура и Следственный комитет разберутся, уж поверьте. Обещаю и беру под свой контроль. Буду держать вас в курсе. Извините, что так получилось...

Разговор закончился. Зубарев нажал кнопку и посмотрел в телефон, как в зеркало. Платонову показалось, что он совсем забыл про стоящего рядом капитана.

– Откуда я знаю? – внезапно спросил командир, подняв глаза на Виктора. – Вот откуда! Сынок папаше из рентгена позвонил! А тот сюда! Депутат, сука! Мне показалось, что он из телефона руку высунул и перед носом мандатом размахивал! Пять раз звонил с тех пор, как Липатов у тебя лежит. Пять раз, – махнул рукой Зубарев, – а на шестой вот такая подстава!

– Виноват, товарищ полковник! – Платонов прекрасно понимал гнев командира, но пока было не ясно, к чему это всё приведёт.

– Виноват? Конечно, виноват! – гневно ответил Зубарев. – В армии всегда кто-то виноват. Не бывает так, чтобы кому-то в морду дали – и никто в ответ по шее и по погонам не схлопотал.

Он направился к своему столу, захватив бутылку и рюмку. Платонов поворачивался следом за ним. Командир грохнул бутылкой о стол, поставив её на какие-то папки, выдвинул ящик, вынул оттуда листок бумаги.

– Узнаёшь?

Виктор узнал. Рапорт с просьбой зачислить капитана Платонова в Военно-медицинскую Академию. С визой Зубарева на нём: «Ходатайствую по существу...».

Полковник, медленно перебирая пальцами, скомкал лист, собрав его в кулак, и швырнул в урну около стола.

– Не бывает так, что никто не виноват, – скрипнув зубами, сообщил он Платонову. – Уж не обессудь, капитан. Мне ещё перед округом навтыяжку стоять, а там никаких Германов Владимировичей нет. Там меня просто разорвут, ты же понимаешь. Напишешь рапорт ещё раз через год. Или через два – смотря как быстро я забуду про Липатова.

– Другого способа наказать меня не существует? – спросил Платонов, понимая, что решать проблему надо прямо сейчас. Выйдешь за дверь – считай, со всем согласился, назад пути не будет.

– Может, и существует, – ответил Зубарев. – Но я его пока не вижу. Кругом марш!

– Товарищ полковник... – попытался зацепиться за беседу Виктор, но командир грубо оборвал его приказом «Выполнять!» и указал пальцем на дверь. Платонов развернулся и вышел в комнату к секретарше. Та сидела спиной к нему и, глядя в зеркало косметички, подкрашивала ресницы.

– До свидания, – сказала Анжела, не оборачиваясь. Капитан молча вышел в коридор.

Только что в урну вместе с его рапортом полетела мечта поступить в Академию. Сержант махнул кулаком – и сломал Липатову челюсть, а Платонову – судьбу.

Виктор не помнил, как оказался на улице. Он шёл, опустив голову и не замечая, что стал накрапывать дождь. Машинально ответил на звонок Кузнецова – тот уже наложил шину на сломанную челюсть, но Платонову было плевать. Он снова и снова видел, как рапорт с командирским согласиём летит в урну.

Хотелось выпить. Впрочем, ничего удивительного в этом желании не было. Думал Платонов не больше пяти секунд, а потом направился в кардиологическое отделение.

В ординаторской – две дамы, погруженные в писанину, Наталья Гвоздева и её начальник Елена Мазур. Виктор зашёл молча, будто в свой кабинет, присел за шкафом в кресло и оттуда махнул всем рукой.

Наталья, не поднимая головы, сказала скороговоркой:

– Чай, кофе, печенки?

– Хуже, – ответил Платонов. – Пришёл проверить, есть ли в вашем хозяйстве конфеты с коньяком.

– Коньяк в тумбочке, конфеты... – Мазур потянулась куда-то под стол, – вот.

И она протянула Платонову пакет – судя по всему, от благодарных и щедрых пациентов, в котором оказалась коробка конфет и пара шоколадок.

– Мы пока можем поддержать только морально, – оповестила Гвоздева. – Консультации закончились, теперь всё записать надо, пока не забыли.

Платонов кивнул и полез в тумбочку. Он прекрасно знал, как пахали девчонки. Любая их история была толще тех, что пишут они с Рыковым. Каждый пациент досконально опрошен, осмотрен, выслушан; все ЭКГ они просматривали сами, несмотря на имеющиеся заключения от функционалов. Для них не было в диковинку обоснование диагноза на два листа или сам диагноз, не помещающийся в четыре выделенных на титульном листе строчки. И за всё это им – как девочкам – без конца несли цветы, шампанское и конфеты. Гигантские букеты, не пролезавшие порой в дверь. Какие-то дорогушие бутылки, которые очень хотелось сдать обратно

в магазин хотя бы за полцены. Конфеты уже не влезали в тумбочки и складировались просто на подоконнике и под столами. Елена с Натальей говорили про свою работу:

– Пьём горькую, закусываем сладким, уходим с работы, как братские могилы – все в цветах.

Виктор достал очередную бутылку французского коньяка и три рюмки, налил пока одну, открыл коробку, да так и застыл над ней – с рюмкой в одной руке и конфетой в другой. Его словно выключил кто-то из этой жизни; он смотрел прямо перед собой в стол Мазур и даже не моргал.

– Всё в порядке? – спросила Елена, не отрываясь от истории болезни.

Виктор кивнул, выпил коньяк и закусил. Наталья подняла на него взгляд, полный зависти, сдула падающую на глаз чёлку, после чего продолжила писать. Мазур же в этот момент отбросила ручку, размяла пальцы и откинулась на стуле.

– Так, надоело, – решительно сказала она всем присутствующим. – Всё равно никто спасибо не скажет. Наташа, бросай к чёртовой матери. Я начальник, я разрешаю.

Гвоздева скептически посмотрела на Елену, потом в историю болезни, на часы, на дверь... И тоже отложила ручку и встала из-за стола. Она была высокого роста и обожала короткие халаты. С её ногами это было правильным решением – Виктор словно прирос к ним ненадолго взглядом, глядя на высоченные каблуки, которые Наташа снимала, судя по всему, только дома, на её лодыжки и красивые колени.

Мазур подошла, села в кресло рядом, закинув ногу на ногу, и постучала ногтем по столу рядом с рюмкой. Платонов понял, налил.

– Про меня там не забудьте! – откуда-то из-за шкафа громко сказала Наталья. Виктор наполнил и третью.

– Про тебя забудешь, – усмехнулась Елена, стукнула своей рюмкой о другие и быстро выпила, откусив конфету из протянутой Виктором коробки.

– Слушай, – внезапно сказала Мазур, – Раз уж ты здесь... Есть у нас дядечка один. У него, похоже, сепсис. То есть мы так думаем. Мы – это я и Наташа.

– Сепсис? – переспросил Виктор. – Это интересно. Люблю прийти в гости и узнать, что для меня есть работа.

– Что ты начинаешь, – нахмурилась Елена и легонько пихнула его ногой. – Мы бы тебя всё равно вызвали. Возможно, конечно, не сегодня...

– Да я уже выпил, как мне с пациентом общаться? – возмутился Виктор.

– А ты пока больше не пей, – рассудила за него Гвоздева. – А мы тебе его пригласим. Минут через пятнадцать.

– Изложите хоть вкратце, что к чему, – смирился с судьбой Платонов. Делиться своими проблемами он на время расхотел.

– История проста, – сказала Мазур. – Как и тысячи ей подобных. Сделали, а переделывать никто не хочет... Ладно, по порядку. Есть пенсионер Министерства обороны. Ему поставили водитель ритма, но у него нагноилась рана, а по ней следом и электроды. Рану открыли, приборчик убрали, а электроды доставать – страшно.

– Я не полезу доставать, – тут же откестился Платонов. – Ну вы что, девчонки...

– Да кто тебя просит, Витя, – выпив свою рюмку, хлопнула его по колену Гвоздева. – Не в этом дело. Он температурит не первый месяц. Под тридцать девять с лишним. И как по секундомеру, каждые четырнадцать часов. На электродах колонии уже выросли. А его всё к нам привозят, в кардиологию, хотя что мы можем для него сделать?

– Логично, ничего не можете, – согласился Платонов. – С ритмом-то как справляетесь?

– Да пока не критично. Ему с другой стороны грудной клетки в краевом сосудистом центре установили какую-то хитрую коробочку, мы к ней даже не прикасаемся. Ритм идеальный. А

вот лихорадку сбиваем ванкомицином, потому что другое его уже не берёт. Прокапаем десять дней, температура нормализуется – и домой. А через месяц он к нам обратно. И так третий раз.

– Электроды ж убрать надо, – удивлённо посмотрел на собеседниц Виктор.

– А мы что, дуры, по-твоему? – возмутилась Мазур. – Напиши нам своей рукой нормальный, грамотный осмотр больного, диагноз ему поставь. И тогда мы его в самолёт – и в Бурденко, чтобы там его разминировали!

Платонов понял, чего от него добиваются кардиологи – обоснования перевода в главный клинический госпиталь.

– А чего ж раньше не звали?

– Да как-то он сам выплывал на ванкомицине, – ответила Мазур и опять постучала ногтем по столу. – Мы пробовали сначала что попроще, но он вяло откликался. Открыли умную книжку – и по всем канонам как жажнули из главного калибра...

– Вы прямо как в «Матрице», – Виктор налил девушкам ещё по одной. – Помните, Морфеус там предлагал таблетки? Вот и вы такие же.

– Не поняла, – напряглась как-то Гвоздева. – Это ты сейчас послал нас, что ли?

– «Ты можешь, конечно, выпить красную таблетку, и твой сепсис пройдёт, но тогда отвалятся почки», – замогильным голосом продекламировал Платонов. – «А можешь выбрать синюю таблетку, и тогда отстегнётся печень, но всё останется так, как и было...» Вот вы – мастерицы антибиотики назначать, – он покачал головой. – Он же теперь с этого ванкомицина не соскочит никогда, пока электроды не извлекут. ЕСЛИ извлекут.

Мазур помолчала, переваривая услышанное, а потом просто сказала:

– Да пошёл ты. Скажи проще – напишешь?

– Куда ж я теперь денусь, – махнул рукой Виктор. – Я теперь тут надолго, раз с Академией не вышло. Напишу и вашим, и нашим.

И тут же понял, что зря сказал про Академию. Ой, зря... Гвоздева немного напряглась, посмотрела на часы, что-то пробурчала себе под нос, пошарила по карманам и, выудив оттуда упаковку жевательной резинки, вышла в коридор.

Елена быстро встала и, опершись на подлокотники кресла Платонова, спросила металлическим голосом, глядя ему прямо в глаза:

– Я что-то не поняла насчёт Академии.

Платонов немного вжался в сиденье и попытался улыбнуться:

– Ну... Рапорт... Я написал...

Мазур выпрямилась и сложила руки на груди.

– И я не в курсе? Мне сказать не надо было? Или это в твои планы не входило?

Виктор засопел и отвернулся.

– В глаза смотреть! Ты в Питер собрался – без меня. Ну, давай, признавайся.

– Да никуда я не собрался... – промычал Платонов. Елена имела моральное право на все эти вопросы – исходя из их отношений, что продолжались около года. Они оба понимали, что служебный роман не скроешь, но все вокруг делали вид, будто ничего не замечают. Кроме Гвоздевой, разумеется – она всегда воспринимала их как пару и дала сейчас возможность побеседовать наедине на щекотливые темы.

Мазур отошла к подоконнику, выглянула в окно, развела руками и подбирала слова, собираясь что-то ответить. Платонов хотел встать и подойти, но она сурово остановила его:

– Лучше не приближайся. Академик... А когда мне думал сказать?

– Не знаю. Наверное, перед переездом. Только его теперь не будет.

– Почему?

Платонов рассказал. Мазур выслушала, поправила волосы, покачала головой. И Виктор вдруг понял, что она рада. Да и сама Елена плохо сумела скрыть тот факт, что довольна случившимся.

– Я даже машину продал... – грустно констатировал Платонов. – И чемодан новый купил.
– Чемодан? – наклонилась вперёд, словно не расслышав, Мазур. – Ну-ка повтори! Чемодан?

Виктор кивнул. Елена посмотрела на него с каким-то лёгким презрением.

– Я знаю, что делать с твоим чемоданом. Придёшь ко мне завтра... Нет, лучше сегодня, я как раз дежурю, меня дома не будет. Придёшь, сложишь все свои вещи в него – они поместятся, не переживай! – и уйдёшь. Быстро и незаметно.

– Так ведь не еду я никуда, – попытался выправить ситуацию Платонов. – Рапорт мой...

– Сегодня, – сухо сказала Елена. – Если я завтра приду и увижу хоть что-то твоё в своей квартире – выкину в окно. Ты меня знаешь. Не захотел рядом с собой видеть в Питере – нечего нам и тут вместе делать. А теперь вали давай отсюда. Ключи завтра отдашь.

Она подошла к двери в ординаторскую и открыла её, приглашая Платонова на выход, где неожиданно обнаружилась Гвоздева, которая тут же сделала вид, что просто шла мимо. Виктор обречённо встал и прошёл мимо Мазур в коридор. За спиной хлопнула дверь.

Наташа хотела что-то спросить, но поняла, что лучше этого не делать. Платонов посмотрел ей в глаза, красноречиво пожал плечами и спустился по лестнице на улицу.

Мазур была права – он действительно не рассматривал свой служебный роман всерьёз. Елена была старше на семь лет, дважды разведена, у неё рос сын – сложный набор для холостяка. Именно поэтому рапорт был написан втайне от неё. И в теперешней ситуации проще всего было бы не упоминать о нём. Но раз уж проговорился...

Платонов стал вспоминать, сколько вещей он успел перетащить к Мазур домой и влезет ли всё в один чемодан.

2

Они всё всегда делали втроём – Разин, Алексеев и его дед, Озеров Владимир Николаевич. Три пенсионера, которые сэкономили каждую копейку. Поэтому и ремонтировали свои машины сами, помогая друг другу.

На этот раз в гараже у деда они бросили на дощатый пол пару бушлатов, поставили переднее правое колесо на домкрат и что-то колдовали с мелом и грузиком на леске. Виктор издаleка слышал, как они бухтят друг на друга:

– Да вот же точка!

– Ровней можешь леску держать, что трясешь, как будто на рыбалке?!

– Куда опять мел спрятали?

Разин в очередной раз крутанул колесо, дед держал рядом с ним грузик, Алексеев ставил на резине пунктирную линию мелом.

– Что это вы тут рисуете? Убитое колесо мелом обводите? – попытался пошутить Виктор, подойдя поближе. Дед оторвал взгляд от колеса и посмотрел суровым взглядом из-под седых стриженных бровей.

– Это, милоч, называется «точки равного биения». Развал-схождение таким вот образом делается на автомобиле.

– Дед, это копейки стоит в сервисе, – развёл руками внук. – И лежать под машиной не надо, сделают за полчаса идеально.

– Мы тоже не двое суток тут возиться будем, – хрипло отозвался из-под автомобиля Разин.

– Дядя Боря, я уверен, что вы с этим развалом с утра воюете, – кивнул Виктор. – Весь двор знает, что вы машину чините.

– Туда копейку, сюда копейку, – дед встал с колен, опёрся на пыльный капот. – А жить за что? Квартира, продукты, опять же бензин. Возьми и сделай сам, а деньги оставь в семье.

Виктор вспомнил, как в прошлый раз, около года назад, дед попытался покрасить водительскую дверь, которую ободрал, объезжая какого-то чудака на букву «м» возле гаражей – и решил благоразумно промолчать. Дверь и по сей день выглядела так, будто к ней приложил руку пятилетний ребёнок, но все были вынуждены говорить экономному пенсионеру, как здорово у него получилось.

Как-то само собой выходило, что в быту он делал всё не очень удачно. Там чуть криво, тут чуть косо; недокрученный шуруп забивался молотком, лавочка на даче немного заваливалась назад, топор слетал с топорщица... Он не умел терпеть и сдерживаться в своих порывах – надо было сделать сразу, быстро, без черновиков и обдумываний. Но вот в том, что касается работы – педанта более строгого найти было сложно. Правда, работа осталась в прошлом, два года назад он уволился, потому что руки были уже не те. Держать грузик в гараже или тляпку на даче он мог очень даже неплохо, а оперировать людей – пришла пора с этим закончить...

Владимир Николаевич Озеров был в городе одним из самых уважаемых людей. В прошлом – ведущий хирург госпиталя, прошедший войну. Великая Отечественная помогла ему освоить специальности хирурга, травматолога, гинеколога, нейрохирурга, стоматолога и много кого ещё, в силу специфики того времени. Сегодня он был военным пенсионером, чьим делом стали машина в гараже, картошка на даче и любимый внук Виктор Платонов, что служил в том же самом госпитале на должности ординатора гнойной хирургии...

Дед пробрался вглубь гаража, взял с крючка на стене пыльную серую тряпку из некогда белоснежной простыни, вытер руки, вернулся и протянул раскрытую ладонь внуку. Виктор пожал сильные пальцы деда и в очередной раз удивился тому, насколько он в форме в свои

годы. Всё, чего ему не хватало для полного счастья – чтобы глаза видели, как в молодости, и спина не болела. И чтобы бабушка была жива.

– Чего пришёл-то? – спросил дед, прикрываясь ладонью от солнца, бьющего в этот час прямо в раскрытую дверь.

– Да есть о чём поговорить, – сказал Виктор и поразился пронизательности старика. – Посоветоваться хочу.

И он похлопал рукой по портфелю, откуда выглядывал белый пакет с рентгеновскими снимками. Дед протянул руку.

– Прямо здесь? – спросил Виктор.

– Ну, а чего тянуть? Тут такое солнце. Прекрасный негатоскоп получился, – дед настойчиво потряс ладонью.

Виктор пожал плечами, достал пакет, но прежде чем передать его, сказал:

– Небольшая предыстория. Майор, перелом шейки правого бедра почти два месяца назад. Наши травматологи сделали все что нужно, фиксатор поставили, в коксит поместили. Через три недели из-под коксита побежал гной. На рубце открылся свищ. Раскрыли, промыли. Конструкцию снимать было рано, но заподозрили сначала металлоз, потом остеомиелит. Гипс сняли, передали его нам. Мы на вытяжение кинули его, ногу разгружаем, со свищом скоро месяц бьёмся. Вроде и сращение идёт хорошее, но какие-то тени непонятные на рентгене, ощущение, что секвестрируется кусок. Вот снимки две недели назад и сегодняшние...

Он протянул деду пакет. Тот достал снимки, разложил на капоте, посмотрел даты и взял сначала более ранний. Виктор зашёл ему за спину, чтобы понять, куда он смотрит и что видит. Дед что-то шептал, наклонял изображение под разными углами, ткнул пальцем в одно место, потом в другое. Положил, взял следующее. С ним провёл те же самые процедуры, потом повернулся к Виктору и спросил:

– Кто оперировал?

– Манохин.

– С кем?

– Ассистентом был Петров и кого-то из нейрохирургов приглашали, просто на крючках постоять. Всё-таки бедро.

– Манохин... – словно пробуя на вкус, тихо сказал дед. – Толковый парень, ещё при мне пришёл. Я ему пару раз помогал. Плечо как-то собрали, винтообразный оскольчатый, и голень была, трёхлодыжечный. Работает аккуратно, методично, но любит с сёстрами потрепаться, анекдоты, шутки-прибаутки...

Он снова поднял последний снимок перед собой, заслоняясь им от солнца. Провёл пальцем вдоль силуэта фиксатора в сторону той самой тени, что смущала Виктора, постучал по снимку ногтем.

– Здесь, – сказал он сам себе. Из-за крыла машины поднялся, отряхиваясь, Разин. Он посмотрел на двух хирургов, старого и молодого, потом на снимок, покачал головой:

– Готово, Владимир Николаевич. Теперь резину жрать не будет.

«Будет», – хотел сказать Виктор, но решил воздержаться от комментариев. Дед же на слова Разина не прореагировал никак – он не слышал одним ухом с войны, когда был контужен близко разорвавшимся снарядом. Виктор этот факт всегда помнил и подходил к деду с правильной стороны.

Разин подождал несколько секунд, потом махнул рукой, хлопнул по плечу Алексева:

– Пойдём, Петрович, видишь, молодой старого эксплуатирует.

Дед услышал, посмотрел на них, рассмеялся:

– Что поделатъ, глуховат нынче тетерев. Благодарю за помощь. Сам бы я, конечно, так быстро не управился.

Виктор закрыл глаза на пару секунд, вздохнул и решил, что по этому поводу тоже высказываться не будет. Дед же подождал, пока они уйдут, посмотрел по сторонам и пальцем пома-нил внука нагнуться к нему поближе. Когда тот приблизился, он шепнул ему на ухо одно слово, после чего сложил снимки в пакет, протянул его Виктору и кивнул, словно подтверждая только что сказанное.

– Расскажешь потом, – произнёс дед. – Я не Нострадамус, но всякое видел. И такое в том числе.

Он протянул руку на полку над входом, снял оттуда замки с ключами, щёлкнул выключателем, погасив в гараже свет. Они вышли на улицу, дед с грохотом закрыл двери, лязгнув задвижками и ключами.

– Зайдёшь?

– Нет, я домой, пожалуй, – отказался внук. – Завтра дежурство. Ну и подумаю, как начальнику преподнести необходимость операции.

– Точно больше ничего сказать не хочешь?

Виктор помолчал, потом добавил:

– Рапорт мой в Академию... Пошёл псу под хвост. Сегодня один дебил другому в отделе-нии челюсть сломал. Завертелось всё – ты не представляешь, как...

– Почему же не представляю, – дед усмехнулся. – Всё-таки армии почти сорок лет отдал. Знаю, что там и как.

– Действительно, – согласился Виктор. – Это я так, не подумав, ляпнул. Короче, крайнего искали недолго. Мне, судя по всему, грозит неполное служебное соответствие. Ну и попутно рапорт на моих глазах в урну полетел.

– Зубарев-то ваш – правду про него говорят, зверь, – покачал дед головой. – Ты сейчас проследи, чтобы сестру не уволили – с девочками вообще разговор короткий.

– Да бог с ней, с девочкой... – начал было Платонов, но дед не дал ему договорить.

– Ты меня слышал, сукин ты сын? – цыкнул он на внука. – Вы в своей армии контрак-том повязаны, а над ней трудовой кодекс висит, которым вертят, как хотят! Твоё служебное несоответствие – хрень собачья. Подумаешь, премию не получишь пару раз. А она вылетит из госпиталя, да ещё и со статьёй какой-нибудь! Знаешь же, что она ни в чём не виновата. Рапорт напишешь снова через год. Срок тебе немалый дали на реабилитацию. Главное, не профукай его бездарно. Ещё какие-нибудь новости есть?

– Да вроде нет, – шмыгнул носом, как школьник, Виктор.

– Тогда пока, – дед, стараясь не смотреть внуку в глаза, пожал руку на прощание и вошёл в подъезд сразу напротив гаражей.

Виктору очень хотелось подняться с ним вместе, выпить по чашке чая, поговорить. Но сегодня лучше было не лезть с разговорами и оставить его наедине с собой.

Жил дед один уже тринадцать лет. Бабушка Виктора умерла неожиданно; дед долго горе-вал, не находил себе места, однако потом как-то собрался с силами и ещё долго проработал в госпитале, заполняя пустоту в сердце пациентами. Вместе они были с женой ещё с войны, воюя в одном медсанбате, он – командиром операционно-перевязочного взвода, она – медсестрой. Поженились прямо на фронте в сорок втором, дошли до Праги, и потом, в мирное время – сначала Сочи, потом учёба в Москве, а оттуда через всю страну на Курилы, затем Приморье... Помотало по гарнизонам офицерскую семью. Осели в конце пятидесятых в гарнизонном гос-питале, что волей министра обороны внезапно разросся, стал окружным, хоть и ненадолго. Дед получил наконец-то звание подполковника, которое ну никак не давалось ему целых шестна-дцать лет. Он шутил про это: «У Жюля Верна пятнадцатилетний капитан, а я был шестнадца-тилетний майор».

К тому времени дочь, родившаяся сразу после войны, тоже прониклась врачебным искусством до мозга костей и поступила в медицинский институт, продлив династию. А позже это сделал и Виктор...

Спустя два дня он стоял в операционной над гнойной раной правого бедра со скальпелем в руке и думал о том, что делать, если дед прав. Рыков, положив стерильные руки в перчатках на простыню, терпеливо ждал разреза. Вчера на пятиминутке ему хватило слов Платонова: «Дед считает, что надо раскрыть послеоперационную рану и уйти пониже фиксатора. Там должен быть карман. Не раскроем его – будет течь всю жизнь». Он неоднократно сталкивался с Владимиром Николаевичем на работе – и пока тот был ещё на гражданской ставке, и после его выхода на пенсию, когда опытного хирурга приглашали для консультаций. Поэтому – раз Озеров сказал, значит, надо выполнять.

Операционная медсестра Юля в ожидании разреза занималась наведением порядка на и без того идеальном столике – перекладывала с места на место тупферы, ещё раз проверила наличие всех необходимых инструментов, шовного материала, антисептиков, поправила перчатки, после чего замерла неподвижно, глядя на лезвие скальпеля.

Виктор взял в другую руку салфетку, прикоснулся к коже острием, надавил. Рыков приготовил коагулятор, нащупал на полу педаль. Они начали.

Тандем действовал слаженно, Юля помогала. Салфетки и тупферы менялись вовремя, все зажимы держали, коагулятор работал, крючки не соскальзывали. Время от времени попискивал наркозный аппарат, анестезистка измеряла давление, проверяла уровень во флаконах капельницы.

Через десять минут работы в глубине свищевого хода Платонов протянул руку в сторону столика медсестры. Юля чётко вложила в неё длинный изогнутый зажим. Рыков растянул рану крючками, но всё равно Виктору было не очень удобно уходить вглубь. Он немного согнулся, почти прилёг на живот пациента, ввёл зажим внутрь, ощутив кончиком, что скользит по бедренной кости. Пройдя максимально глубоко, медленно раскрыл бранши, на секунду прикрыл глаза, представив себе раневой канал изнутри, аккуратно на несколько градусов подвигал зажим, чтобы понять, что ничего лишнего в него не попадёт. И свёл бранши до первого щелчка.

В операционной все замерли в ожидании. Виктор немного пошевелил зажим, понял, что он легко извлекается – и вытащил его наружу.

– Опаньки, – только и смог сказать Рыков.

В зажиме болталась салфетка – в крови и гное. Виктор молча взглянул на всех, кто сейчас смотрел на это инородное тело, и покачал головой из стороны в сторону. Анестезиолог понимающе кивнул и отвернулся к своему аппарату. Рыков сухо кашлянул. Он хотел было развести руками, но крючки в ране не давали ему это сделать.

Напоследок Виктор посмотрел на операционную сестру. Юля подняла брови и провела рукой перед маской, словно закрывая рот на невидимый замок.

Все всё поняли.

Платонов бросил салфетку в таз рядом с десятком других кровавых салфеток и шариков и попросил широкую турунду с перекисью. Надо было обработать полость, где почти два месяца лежало инородное тело...

Закончили они через сорок минут, зашивать пока не стали, введя в рану через контрапертуру несколько длинных дренажей-полутрубок, нарезанных из капельницы. Виктор поблагодарил всех, выходя из операционной и снимая на ходу перчатки. В предоперационной он сел на кушетку и в очередной раз за сегодня вспомнил, как дед наклонился к нему в гараже и шепнул: «Салфетка...».

Рыков вышел следом, присел рядом.

– Всё вышло, как он сказал?

Виктор кивнул.

– Просто выслушал меня, снимок посмотрел, пальцем ткнул. Три минуты. И два месяца. Надо было раньше спросить его совета, – вздохнул он. – Хотя, в принципе, и сейчас ещё было не поздно. Надеюсь, по фиксатору и винтам гной никуда не пошёл, салфетка ниже лежала почти на десять сантиметров.

– Поживём – увидим, – сказал Рыков. – Манохину будешь говорить? Я б сказал. Приватно.

– Скажу, наверное, – пожал плечами Виктор. – В журнал-то всё равно запишем. Надеюсь, меня все правильно поняли и никто ничего не разболтает. Что было в операционной – остаётся в операционной.

Рыков кивнул, соглашаясь.

– Ты Владимира Николаевича почаще привлекай, – посоветовал он, уходя в ординаторскую. – Им, старикам, это всё нужно. И для мозга работа, и нужным себя почувствовать. Иначе он окончательно превратится в садовода-любителя – а у него серое вещество на два порядка круче нашего. Нельзя, чтобы такой умище в гараже простаивал.

– Понимаете, – внезапно сказал Виктор, всё размышляя о том, как дед понял, что там именно салфетка, – он ведь не просто снимок смотрел. Он ещё спросил, кто оперировал. Он от каждого из нас знает, чего ожидать. От вас, от меня, от других врачей.

– Дед твой в каком звании уволился? – зачем-то спросил Рыков.

– Полковник.

– Выслуги сколько было? Он же с сорок первого года в армии?

– Да, прямо с начала войны. Тридцать шесть календарных лет.

– Виктор Сергеевич, и ты удивляешься, что он нас читает, как открытую книгу? Он Амосову ассистировал, Вишневному – я ж его рассказы помню. Там в голове, как у хорошего шахматиста.

– В смысле? – не очень понял Виктор.

– У шахматистов база партий со всех чемпионатов мира и других соревнований в памяти сидит. Они всё и всегда могут назад отмотать, прикинуть, как другой бы на его месте сыграл. У деда твоего – миллион операций почти за сорок лет службы. И он ведь потом не ушёл сразу, а ещё двадцать лет гражданским отработал. Владимир Николаевич твой шов от моего отличит с закрытыми глазами. А уж то, что Манохин со своими анекдотами бесконечными в бедре салфетку забудет – так это само собой.

Виктор кивнул, соглашаясь. Тем временем, майора выкатили из операционной. Юля вышла следом, не вынимая рук из кармана на груди.

– Слушайте, Виктор Сергеевич, я, конечно, многое видела, но салфетку на моей памяти...

– Не было никакой салфетки, – оборвал её хирург. – Забудь, пожалуйста. Вот прямо сейчас забудь. Но выводы сделай такие, чтобы на всю жизнь. Чтобы за тобой или за мной никто ничего подобного никогда не достал.

Сестра согласно кивнула одними ресницами – медленно и сексуально.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Виктор, – а теперь пускай мне халат развяжут, пока я его не порвал.

...Дед сидел в гараже на маленькой табуретке и перебирал картошку, для которой отгородил вдоль стены при помощи досок маленькое, но глубокое хранилище. Машина стояла на улице под деревом, на освободившемся полу сушились примерно пара мешков хорошего крупного картофеля.

Виктор молча подошёл, взял у стены брезентовый складной стульчик, поставил рядом, присел и стал помогать.

– Гнильё вон в то ведро, – дед указал поворотом головы немного в сторону. – Крупную аккуратно на пол. Не бросай, а клади. Потом в мешки сложим и в подпол. Среднюю пока не трогай, на весну надо отобрать.

В тишине они присидели около десяти минут, сортируя урожай. Потом дед спросил:

– Нашёл?

Виктор кинул очередную картошину с подкисшим боком в ведро для гнили и кивнул.

– С Манохиным говорил?

– Говорил.

– А он?

– Плечами пожал только. Радует, что хоть «спасибо» сказал.

– «Спасибо» – это хорошо, – дед оглянулся, оценивая, сколько картошки отобрано для спуска в подвал. Виктор положил руку ему на плечо и спросил:

– Откуда ты знал?

Дед обернулся и посмотрел на внука каким-то хитрым и добрым взглядом. Спустя несколько секунд паузы он ответил:

– Я тебе сейчас кое-что скажу, но ты обещаю, что никому.

Виктор кивнул.

– Я не просто знал, – дед взял в руку картошину, покрутил, подбросил пару раз. – Я был уверен. Ты помнишь, что я первое спросил после того, как ты анамнез рассказал?

– Ты спросил – кто оперировал.

– А почему?

– Мы это с Рыковым сегодня обсудили. Потому что у тебя какой-то свой подход к каждому хирургу, ты за каждым знаешь, кто на что способен – недаром ты ведущим хирургом был дольше всех.

– Да... – задумчиво покачал головой дед. – Многих повидал. И это не первая салфетка у Манохина.

– Как так? – брови у Виктора сами поползли вверх.

– А вот. Не первая. Третья. Просто про первую никто не знал, а про вторую только сам Манохин. Любит он глубоко в ране работать тупферами, салфетками, турундами. И один раз я на перевязке достал салфетку на третий день после операции – ничего не случилось ещё тогда. Просто не успело. Почувствовал каким-то шестым чувством, что надо пару швов снять и поискать в глубине. Снял, достал, зашил заново. Пометку себе в перекидном календаре сделал – а Манохина на следующий день прикомандировали к фронтовым учениям на полтора месяца, и как-то забылось. А через год – вторая салфетка. Отозвал его в сторонку, говорю, что ж ты, милоч, такой невнимательный. Он огрызнулся. Я половины из-за своей глухоты не расслышал, но понял, что раз я ему не начальник, то и нечего его учить.

Виктор вздохнул и продолжил перебирать картошку.

– Ну, и по снимку понятно было, – неожиданно продолжил дед. – Не так всё выглядит при остеомиелите. Рентгенологам тоже можешь гол забить – пусть книжки внимательнее читают. А мы давай-ка лучше мешки наполним...

Они провозились в гараже ещё около часа, освободив место для «Жигулей». Дед подавал Виктору мешки, тот принимал их внизу, в подвале, и всё думал, думал о том, как старый хирург видит всех молодых насквозь. Лучше всякого рентгена.

Когда работа закончилась, дед протянул ему руку и помог выбраться наверх, хотя надобности в этом особой не было.

– Выводы для себя сделал? – спросил он внука, не выпуская руки.

– А куда ж деваться, – тот пожал плечами. – Пришлось.

– Это главное, – согласно кивнул дед. – В медицине всё так – старайся извлекать уроки из ошибок других. Свои ещё успеешь понаделать. А что там с дежурной медсестрой?

– Рыков на личный контроль взял. Мы с ним все объяснительные прочитали – не надо Шерлоком Холмсом быть, чтобы понять, что драку предотвратить она не могла. Но выговора не избежать, я уверен. С формулировкой «За ненадлежащий контроль за переменным составом». Из тех, кто в виновниках будет ходить, она легче всех отделается. Я без Академии и премии. Рыков – ему могут контракт не продлить, у него заканчивается через полгода.

Дед внимательно выслушал, одобрительно кивнул, убрал в сторону табуретку, сложил стульчик и пошёл к машине. Заехал он быстро и чётко, с одного раза, впритирку к хранилищу для картошки. Выбрался из «Жигулей», несмотря на тесноту и болезную спину, и каким-то хитрым шагом, опираясь на стену одной рукой, вышел из гаража. Виктор помог ему закрыть двери, а потом сказал:

– Рыков хочет, чтобы я тебя чаще привлекал к консультациям – особенно после этой салфетки. У нас хватает порой непонятных пациентов – где-то с диагностикой проблемы, где-то с техникой или с тактикой.

Дед кивнул, понимая и соглашаясь.

– Зовите. Я пока при памяти. Чаю, может, хочешь?

Виктор не отказался, и они поднялись к деду домой. Владимир Николаевич любил чай с молоком, пил всегда из огромной кружки, чуть ли не поллитровой. «У начальника должна быть большая кружка, – говорил он. – Чем больше кружка, тем больше уважение». У Виктора на работе была такая же – только любил он больше кофе.

Расположившись на кухне, они несколько минут молча отхлёбывали из своих кружек, дед хрустел сушками, немного вымачивая их, чтобы побережь зубные протезы, Виктор ел бутерброд с колбасой.

– Дед, всё спросить тебя хочу...

– Давай, – закинув очередную сушку в рот, ответил дед.

– Есть в твоей биографии один факт... Ты, наверное, и не задумывался об этом никогда. Когда закончилась война, тебе было двадцать шесть лет. Всего двадцать шесть. И ты знал всю военно-полевую хирургию. Ты оперировал на голове, груди, животе, конечностях. Ты не боялся кровотечений, перитонитов. И ты был лишь на три года старше теперешних выпускников мединститута.

Дед заинтересованно слушал – похоже, он действительно никогда не задумывался над этими фактами.

– А я в свои двадцать шесть лет только аппендицит смогу без ассистента, и то при хорошей медсестре, – продолжил Виктор. – Я вижу, что творится в операционных. Накопилась масса узких специалистов, скоро появятся хирурги по левому лёгкому или по правой ноге. Сертификаты и регламентирующие документы, приказы бесконечные, сюда нельзя, туда не смей. А ты мог всё, и никаких тебе разрешений на это было не надо. Я же помню, как ты рассказывал про Курилы, где и зубы удалял, и «волчью пасть» оперировал...

– Замечательная история там, кстати, случилась, – подхватил дед, услышав слово «Курилы» и даже не заметив, что перебил внука. – Остров наш, Кунашир, далеко не самый большой был. Медсанбат на одном берегу, районная больница на другом. Между ними всего тридцать километров – остров узкий. Звонят из больницы – у женщины трудные роды, кровотечение, не справляются, помощи просят. У нас вертолёт нет, какие тогда вертолёты. Машина санитарная – одна разобрана в гараже, другая не завелась. Я принимаю решение и иду туда пешком. А это не по асфальту тридцать километров, там и через сопки перевалить надо было.

– Да ты Бэтмен, дед, – усмехнулся Виктор.

– Сам ты Бэтмен, – отхлебнул дед чаю, демонстрируя свои знания о мире супергероев, и продолжил. – Бэтмену до меня, как до Луны. Он бы пешком точно не пошёл. А я за девять часов добрался. Женщина живая ещё была, они её как-то дотянули до утра...

– Ты ночью, что ли, шёл?

– А я не сказал? – искренне удивился дед. – Они ж вечером позвонили. Такие вещи всегда не ко времени. Как говорится, зубы начинают болеть в ночь на субботу. Вот и она – решила рожать вечерком. Я пришёл, разобрался с ней, прооперировал. Ребёнка, правда, не спасли, но зато мать жива. Лечение расписал на ближайшие два-три дня, позавтракал, и обратно.

– Обратно – в смысле – пошёл? – Виктор забыл про свой чай. – У них машины не нашлось?

– А я не спросил. И они тоже не предложили. Обратно даже быстрее получилось – потому что днём. А что, я молодой тогда был. Как говорится, даже не вспотел.

Виктор молчал, не в силах произнести что-либо внятное. У них в сорока километрах от госпиталя находился филиал – и эта ситуация была похожа на то, как если бы ему сказали: «Сходи туда, прооперируй, и потом сразу назад».

– А я так понимаю – ты меня о чём-то спросить хотел? – внезапно прервал думы Виктора дед.

– Да, хотел, но эта твоя Кунаширская история меня просто добила.

– Много ещё тузов в рукаве, – усмехнулся дед. – Спрашивай.

Виктора интересовал простой вопрос: «Ты же видишь, как изменилась медицина, как изменились люди – скажи, дед, мы деградируем?» Но он вдруг понял, что и сам знает на него ответ, и поэтому задал другой:

– Научиться хирургии можно только на войне? Вот в Академии все начальники отделений прошли через горячие точки, у каждого диссертация по боевой травме на личном опыте – и им веришь, как последней инстанции. Как вот я тебе верю.

– На войне? – дед прищурился. – Не люблю я про войну говорить, ты знаешь, но раз речь зашла... Идеальные условия для обучения хирурга возникают тогда, когда можно делать неограниченное количество ошибок. Как в твоих этих компьютерных играх – «перезагрузиться», так это называется? Вот война – это как раз такое место. Можешь перезагружаться хоть после каждой операции. Но на войне есть и обратная сторона медали – там убивают. И хирургов в том числе. Ведь что такое операционно-перевязочный взвод? Это полкилометра от передовой, что, в принципе, несущественная величина. Так, что не факт, что ты доживёшь до победы и сохранишь все знания. Поверь, если бы у меня была возможность учиться не на войне – я бы с радостью её выбрал. Но этот вопрос решили за меня. Я надел форму военврача третьего ранга и пошёл обучаться военно-полевой хирургии из военкомата в городе Свердловске сразу по окончании института. Так что... Ты не знаешь военно-полевой хирургии в том объёме, в каком я знал её в двадцать шесть лет. Но ты не знаешь и войны – и поверь, это дорогого стоит.

Он задумался на мгновение, а потом отодвинул тарелку с сушками в сторону и сказал каким-то чужим ледяным голосом:

– И хватит об этом.

Виктор молча кивнул, соглашаясь. На экране телефона, лежащего на столе, высветилась фамилия начальника.

– Слушаю, Николай Иванович, – ответил на звонок Виктор. – Да, хорошо... Постараюсь на завтра, – сказал он, выслушав короткую просьбу начальника, и отключился.

– Как говорится, на ловца и зверь, – положив телефон на стол, он посмотрел на деда. – Есть у нас один пациент. Загадочный. И что-то он затяжелел. Рыков просит тебя поучаствовать в диагностике. Лучше всего не затягивать и сделать это завтра. Ты на дачу не собирался?

– Собирался, – честно признался дед. – Но могу с утра к вам, а потом и по своим делам. Там ещё шесть рядков картошки осталось, надо подкопать. А что за пациент?

– Бывший офицер. Минно-взрывное ранение, обе стопы. Культы на уровне верхних третьей голени. Он их протезами натирает сильно, до язв. Жена его обратилась к нам помочь санировать, потому что сама не справляется. Мы положили, перевязываем, физиопроцедуры

на месте делаем. А ему хуже и хуже – причём совершенно не пропорционально тому, какие у него раны. Рыков сказал, что пришли его анализы – и там недалеко до сепсиса.

Дед слушал внимательно, потом спросил:

– Жена с ним в палате?

– Да, ей разрешили с ним находиться, в интенсивке два места и пока никому на второе не надо.

– Ага, – покачал головой дед. – С ним, значит...

Виктор немного напрягся, а потом решил уточнить:

– Ты что, думаешь, это она что-то делает? Его четыре года назад ранило, она до сих пор от него не ушла. Мы же видим, как она с ним возится...

– Ничего я не думаю, – возмутился дед. – Но мысли у меня есть на этот счёт. Завтра посмотрим.

Он взглянул на часы, встал из-за стола, вышел в комнату и включил телевизор. В это время дед всегда смотрел новости, выкрутив из-за глухоты звук почти на максимум. Виктор по-быстрому сполоснул обе кружки, попрощался и ушёл домой.

Завтрашний день обещал быть интересным.

3

Виктор приехал на такси. Он был уверен, что придётся ждать, потому что машина пришла почти на пятнадцать минут раньше, но дед его удивил – уже сидел во дворе на лавочке и поглядывал на часы. Ждать и догонять – это были два его нелюбимых занятия. Рядом с ним лежал сложенный чёрный целлофановый пакет с чем-то плоским и большим внутри.

Водитель посигналил, Виктор открыл окно и помахал рукой. Дед встал и поправил стрелки на брюках – про такие говорят обычно «порезаться можно». Он был в сером костюме, в котором раньше всегда ходил на работу. Белизну рубашки подчёркивал не очень яркий бордовый галстук с идеально завязанным узлом, на ногах безупречно вычищенные туфли.

Не забыв взять пакет, дед подошёл, заглянул в машину, поздоровался с водителем и сел на переднее сиденье.

– В госпиталь, – произнёс Виктор. Машина тронулась. – Что с собой несёшь?

– Не спеши, – дед не повернул головы. – Всею своё время. Твоя машина где?

– Не спрашивай, – расстроено ответил Платонов. – К Академии готовился. Продам...

Дед поймал его взгляд в зеркале заднего вида, на секунду нахмурил брови, но ничего не сказал.

Доехали они быстро. Виктор сбегал на проходную, договорился с дежурным по части – ворота медленно отъехали в сторону, и таксист прополз мимо шлагбаумов и бетонных блоков на территорию. Дежурный офицер вышел из своего «скворечника», приблизился к автомобилю и, словно гаишник на обочине, отдал воинское приветствие и попросил открыть окно.

– По территории части скорость не больше пяти километров в час, – сурово сказал он таксисту. – И не по центральной аллее, а вокруг объедете, – он махнул рукой в сторону, очерчивая маршрут. Потом наклонился, чтобы посмотреть на пассажиров, увидел деда, заулыбался и попытался в такой согнутой позе встать по стойке «смирно». Вышло глупо и смешно, но он, тем не менее, громко произнёс:

– Здравия желаю, товарищ полковник!

Таксист скосил глаза на деда, поняв, что привёз какую-то важную шишку, и вжался спиной в сиденье.

– Спасибо, – дед кивнул в ответ. – Давайте мы поедем, а то стоим тут перед штабом...

– Конечно, Владимир Николаевич, – радостно ответил дежурный офицер. – Проезжайте.

Таксист отпустил тормоз, и машина медленно покатила по аллее.

– Это кто был? – спросил дед, когда они отъехали метров на пятьдесят.

– Баканин, майор с рентгенпередвижки, – напомнил Виктор. – Ты с ним ещё постоянно ругался по поводу описаний плоскостопия и сколиоза, помнишь?

– Я смотрю, личность знакомая, – задумчиво ответил дед. – И как он, лучше стал углы измерять?

– А хрен его знает, – пожал плечами Виктор. – Но судя по тому, с каким энтузиазмом он тебя встретил, ваши беседы пошли ему на пользу.

Он хорошо помнил, какие баталии разворачивались порой в кабинете начальника отделения лучевой диагностики, когда к ним в гости приходил дед. Ему всегда выделяли лучшее место за столом, он раскладывал перед собой несколько историй болезни с накопившимися вопросами – и начиналось.

«Вот тут я с вами категорически не согласен... Контур же вот где проходит, а не там, где вы его якобы увидели... Это не костно-травматические изменения, а послеоперационные, а вы их в отрицательную динамику записываете... Вот эти углы на позвоночнике кто рисовал? Вы, товарищ капитан? Вас на уроках геометрии в школе не научили транспортиром пользоваться?»

Начальник рентгенотделения Ковалёв в такие минуты стоял обычно навтыжку рядом с дедом и смотрел не в снимки, а на лица своих подчинённых и метал в них молнии. А сами врачи покорно слушали, сидя за столом с длинным рядом негатоскопов, и вглядывались в снимки, пытаясь понять, где же проходит граница между их пониманием лучевой диагностики и опытом Владимира Николаевича.

Один раз Ковалёв попытался заступиться за своих специалистов и начал это со слов: «Товарищ полковник, вы работаете столько лет, сколько мы тут все вместе даже не живём ещё...», но продолжение фразы булькнуло и застряло где-то в трахее после того, как дед поднял на него свой суровый взгляд.

– Умный врач всегда найдёт время для самообразования, – медленно сказал он начальнику отделения. – Положите пару учебников в туалете и курилке – ведь вы там большую часть своей жизни проводите. Возможно, это принесёт свои плоды. А пока эти три заключения перепишите – вы же знаете, что ваши неправильно описанные снимки чьи-то судьбы могут ломать.

Беседы Озерова с врачами быстро становились достоянием общественности практически дословно. Спустя день доктора приходили к Ковалёву в гости, чтобы убедиться, что в курилке теперь есть справочники по рентггендиагностике.

И что интересно – они там действительно лежали...

Такси остановилось у входа в отделение. Дед медленно выбрался из машины; Виктор заметил, что сегодня он как-то по-особенному бережёт спину.

– Вы во-он там под деревом встаньте, а мы минут тридцать, не меньше, а потом назад, – распорядился Виктор, подошёл к деду и спросил:

– Спина шалит?

– Нормально, – услышал в ответ. – Пару дней в корсете похожу, диклофенак уколю. Пакет возьми, пригодится сегодня.

Виктор взял протянутый свёрток и понял, что угадал – внутри была книга, тяжёлая, толстая. Заглядывать сразу он не стал – раз дед не обозначил сам, что там, значит, есть тут какая-то интрига.

Поднимался дед на второй этаж долго, но без остановок, держась за перила. Виктор шёл сзади и не видел его лица, но очень чётко представлял себе, насколько он сейчас сосредоточен и внимателен к своим ногам. Наверху, на площадке возле ординаторской, уже стоял Рыков.

– Увидел машину в окно, Владимир Николаевич, – радостно и громогласно заявил он, когда деду до него осталось несколько ступенек. – Спуститься не успел, уж извините.

Дед на последней ступеньке остановился, поднял голову и совершенно не запыхавшимся, безо всякой одышки голосом сказал:

– Что ж ты не успел? Курил, небось, у окна, когда машину увидел?

– Каюсь, Владимир Николаевич, курил, – засмеялся Рыков и протянул руку. Озеров взялся за неё, крепко пожал и, не отпуская, шагнул на площадку.

– Ох, уж эти курильщики, – укоризненно покачал он головой. – Вот я только на фронте курил. Как война кончилась – считай, в тот же день бросил.

Насколько это было правдой, Виктор не знал, но всю жизнь, сколько он помнил деда, никогда не видел его с сигаретой.

– Вот этот разгильдяй, – дед кивнул в сторону внука, – пытался в шестом классе научиться...

– Ну, дед, вот ты вспомнил...

– Цыц! Пытался, было дело, не спорь. Где-то сигареты раздобыл, накурился и припёрся домой. А дома никто не курит. И, значит, что? Никуда такой запах не спрячешь. Сразу попался. Ну, я и всыпал ему по первое число...

Виктор покачал головой, вспоминая.

– Да уж, – согласился он. – Курить бросил сразу. Так, что вы, товарищ подполковник, обращайтесь, если бросить хотите. Дед и вам может... И не только по первое число, но и с первого по тринадцатое...

– Могу, – кивнул дед. – Но, что мы тут все посреди дороги стоим? Давайте пройдем да побеседуем.

И он решительно направился в ординаторскую.

Там действительно было накурено. Рыков забежал вперед, вытряс пепельницу в урну, открыл пошире окно, потом показал деду своё кресло.

– Садитесь сюда, Владимир Николаевич. А мы вот на диванчике. Да положи ты пакет, – нетерпеливо указал он Виктору. Тот пристроил его на стол начальника рядом с календарём и шагнул к дивану.

Дед подошёл к столу, окинул его взглядом, посмотрел на те бумаги, что лежали под оргстеклом, на аккуратную стопку историй болезни, остро заточенные карандаши в специальном стакане и остался доволен.

– Ничего лишнего, – сказал он, опускаясь в кресло. – Это хорошо.

– Еле успел всё в тумбочку засунуть, – шепнул начальник Виктору. – Блок сигарет, карты игральные – у солдат отобрал, – и два номера «Плейбой».

– За «Плейбой» отдельное спасибо, – в ответ тихо сказал Платонов.

Дед, тем временем, сложил руки на столе в замок, поворачивал немного шеей и остановил свой взгляд на собеседниках.

– Начнём, пожалуй. Кто доложит по пациенту?

Рыков откашлялся, встал, как нерадивый школьник, пару раз шмыгнул носом и сказал:

– Доложит лечащий врач.

После чего сел обратно и пихнул Виктора в бок.

Подстава была неожиданной – впрочем, а иначе какая же это подстава. Виктор замешкался, потому что история болезни осталась на столе у Рыкова, но собрался с мыслями и понял, что помнит практически всё. Он сначала хотел говорить сидя, потому что ему показалось, что делать доклад для родного деда можно и в более расслабленном положении, но вдруг осознал, что перед ним сейчас в кресле начальника сидит не просто родственник, а ведущий – хоть и в прошлом – хирург этого госпиталя. Ноги сами подняли его с дивана.

– В палате номер четыре, она же интенсивной терапии, четвёртые сутки находится ветеран боевых действий, майор в отставке Магомедов Ильяс Магомедович. Предварительный диагноз звучит как «Трофические язвы культей обеих голеней. Отсутствие нижних конечностей на уровне верхней трети голеней вследствие травматической ампутации обеих стоп после минно-взрывного ранения. Синдром системной воспалительной реакции». Несколько косноязычно получилось, но пока вот так. Поступил к нам с жалобами на длительно не заживающие раны культей, общую слабость, повышение температуры тела, отсутствие аппетита, выраженную астению. Со слов самого пациента и его жены Тамары, такое состояние беспокоит в течение последних двух недель с некоторым ухудшением. Самостоятельно выполнялись мазевые перевязки, протезы не носит в связи с ранами.

– Жена его перевязывала или он сам ухитрялся? – внезапно спросил дед.

– Жена.

Дед взял из стакана карандаш и сделал пометку в настольном календаре Рыкова, после чего кивнул. Виктор расценил это как предложение продолжать.

– Анализы при поступлении показали нам странными. Высокий лейкоцитоз, сдвиг формулы влево, немного пониженный гемоглобин. Начали лечить местно плюс антибиотик, а на следующий день анализы повторили. Лейкоцитоз вырос на пару единиц, несмотря на то, что всего за сутки раны немного очистились. Исходя из лабораторных данных, решили исключить системную реакцию, направили его на УЗИ, попутно выполнив ещё и обзорные снимки

грудной клетки и брюшной полости. На них – все хорошо, на УЗИ – лёгкая гепатомегалия. На следующий день температура приобрела гектический характер...

Виктор вдруг понял, что дед отстал в нынешней классификации сепсиса и его критериев, потому что с тех пор, как он уволился, она почти каждый год менялась, дополнялась, расширялась. «Если что, аккуратно пройду по теории, чтобы не подумал, что мы его, дурака старого, учить вздумали», – отметил про себя он.

– Собственно говоря, к чему это всё веду... – хотел подытожить Виктор, но дед закончил вместо него:

– К сепсису. Все критерии налицо. Лейкоцитоз, фебрильная лихорадка, гепатомегалия, – сделал вывод за Виктора дед. – Все по последнему докладу ассоциации специалистов по хирургической инфекции за прошлый год.

Виктор не смог сдержать удивления, но спросить ничего не решился. Дед увидел приподнятые брови внука и сказал:

– Зря я, что ли, по-твоему, «Военно-медицинский журнал» выписываю?

Виктор развёл руками и молча сел на диван.

– Я вижу, что проблема проста. Есть пациент с сепсисом, но вы не можете понять, где у него источник.

– Так точно, – ответил Николай Иванович. – Язвы на культиях, конечно, грязненькие, но не септические. Пневмонии нет, абсцессов печени и селезёнки нет, никаких признаков поражения пазух. То есть отсеков нет. Но, если так пойдёт и дальше, он у нас умрёт с нераспознанным очагом. Исходя из логики происходящего, мы должны сегодня собрать консилиум по этому поводу, но сначала хотим выслушать ваше мнение. Если нужно, его история – в стопке рядом с вами с самого верха лежит.

Дед протянул руку, взял историю болезни, сразу открыл с того места, где были вшиты анализы, пролистал внимательно бланки, потом посмотрел несколько дневниковых записей. Напоследок он развернулся к окну и взглянул на пару снимков, затем опёрся на локти, снова сцепил пальцы рук в замок и положил на них подбородок, глядя куда-то в сторону и о чём-то размышляя.

– Режим постельный, конечно же? – спросил он, не поворачивая головы.

– Само собой, – ответил Рыков. – Палата интенсивной терапии, всё как положено.

– И жена с ним? Кормит, перестилает, умывает? Санитарка вообще им не занимается?

– Жена не пускает, – покачал головой Рыков. – её бы воля, она там и готовила бы ему, но мы запретили газовую плитку. Он – герой войны, за него совет ветеранов просил, командир пошёл навстречу.

– Понимаю, – дед встал с кресла. – Халат найдём для меня?

– Всё готово, Владимир Николаевич, – начальник вскочил с дивана, метнулся к шкафу и через мгновение держал в руках белоснежный халат с завязками на спине, как дед всегда любил. Мода на акушерские халаты была у него с войны – в них удобно наклоняться к больному или к столу, потому что ничего не провисало спереди. Война закончилась, а привычка осталась.

Они втроем прошли в отделение. Сестра на посту знала о том, что ожидается некий серьёзный гость, но была не в курсе того, кто этот пожилой и слегка прихрамывающий доктор, перед которым сам Рыков ходил чуть ли не на цыпочках. Она встала за столом, поздоровалась, дед кивнул ей в ответ.

Николай Иванович открыл дверь интенсивки. Они вошли.

Магомедов лежал на кровати у окна и смотрел телевизор. Его жена Тамара в тёмно-синей блузке и такого же цвета юбке до пола резала на столе у холодильника хлеб и готовила мужу бутерброды; волосы были собраны под белый платок, которым она напоминала Виктору сестру милосердия из старых фильмов.

– Доброе утро, – поздоровался Рыков. – Мы к вам с обходом, и нам поможет один очень важный и знающий специалист, Озеров Владимир Николаевич, полковник медицинской службы.

Магомедов, услышав голос начальника отделения, тут же протянул руку с пультом в сторону телевизора и выключил его. Тамара на мгновение замерла – Виктор понял, что она ждёт какой-то реакции мужа.

– Прекрати пока готовить, присядь, – указал Ильяс своей жене. Она покорно отложила в сторону нож, вытерла руки полотенцем и села на вторую кровать.

Они вместе производили странное впечатление – жена казалась роботом, что выполняет приказы хозяина. Он был идеально выбрит, чисто одет; свежая постель, завтрак, телевизор – она организовала ему быт полностью.

Дед подошёл поближе и несколько секунд просто вглядывался в лицо майора, потом медленно поднёс руку к его лицу и осмотрел склеры, сдвинув нижние веки.

– Покажите язык.

Ильяс показал.

– Хорошо. Пить хочется постоянно?

– Да.

– Жена подаёт, как только попросите?

– Конечно.

– Перевязка сегодня планируется? – спросил дед у Виктора.

– Можем организовать прямо сейчас, здесь, – ответил тот и вышел, чтобы позвать операционную сестру.

Перевязка прошла быстро – в умелых руках Юли салфетки и бинты просто летали. Дед надел перчатки, посмотрел на язвы, взял в руки бинты, поднёс поближе к глазам, потом помахал над ними по направлению к себе ладонью, чтобы оценить запах, чему-то кивнул. Юля наложила мазевые повязки и вышла, забрав грязный материал.

– Вы давно без протезов из-за этих ран? – решил уточнить дед.

– Три недели, – Ильяс отвечал строго на поставленные вопросы.

– И как вы без них обходились дома?

– По большей части лежал. Тамара помогала.

Дед бросил на неё быстрый взгляд, потом уточнил:

– Три недели лежали? И ни одного пролежня не начало формироваться? Да она у вас просто молодец, нашим сёстрам у неё многому поучиться можно.

Ильяс хотел остаться серьёзным, но лёгкая тень улыбки и гордости за жену тронула его губы.

– Да, она у меня такая. Хозяйственная, заботливая. Дом на себя взяла и меня, инвалида...

Слово «инвалид» он произнёс так, словно язык у него в этот момент на пару секунд онемел, но все в палате его поняли.

Владимир Николаевич увидел на шее Рыкова фонендоскоп, протянул руку. Тот сразу же передал его; дед аккуратно вставил дуги в уши, медленно и тщательно послушал лёгкие, сердце, живот. Виктор понимал, что слушает он сейчас лишь одним ухом, но в умении распознать хрипы, шумы или плески дед легко мог бы поспорить с тем, у кого были обе барабанные перепонки.

Невозможно было понять, привлекло ли что-то Владимира Николаевича в услышанных звуках. Спустя пару минут он вернул фонендоскоп Рыкову и принялся пальпировать живот. Потом внимательно осмотрел все крупные и мелкие суставы, заставил подвигать кульями.

– Я ничего не понимаю, – шепнул Рыков Виктору. – Что он ищет?

Виктор мог лишь пожать плечами.

Жена Ильяса всё это время сидела неподвижно, превратившись в соляной столб и глядя куда-то в пол. Только кончики пальцев очень медленно перебирали складки длинной юбки и слегка приподнималась от дыхания грудь. Но когда дед закончил свой осмотр, она мгновенно встала с кровати, подошла к мужу и аккуратно накрыла его одеялом, которое хирург отдернул в сторону во время осмотра и перевязки.

– Давайте вернёмся, – сказал дед Рыкову и направился к выходу из палаты. В коридоре он неожиданно остановился так, что Виктор чуть не врезался ему в спину, и сказал, не оборачиваясь:

– Пригласите Тамару. Мне надо задать ей пару вопросов.

После чего пошёл дальше. Николай Иванович шепнул медсестре, чтобы та позвала жену Магомедова минуты через две в ординаторскую.

Войдя в кабинет, они заняли свои прежние места. Дед не стал снимать халат, чтобы не нарушать атмосферу предстоящей беседы с Тамарой, опустился в кресло, подвинул к себе историю болезни майора и положил на неё сверху руки. Рыков сел на диван и вопросительно взглянул на Владимира Николаевича. Тот молчал и смотрел на входную дверь в ожидании жены Магомедова. Рыков понял, что никаких объяснений пока не будет.

Лёгкий стук, потом скрипнули петли. Тамара вошла осторожно, мелкими шагами, больше глядя в пол, чем перед собой. Дед указал ей на кушетку рядом со столом:

– Присаживайтесь, я вас долго не задержу, – сказал он Тамаре. – Хочу у вас кое-что спросить.

Женщина села, вцепившись руками в юбку.

– Скажите, все эти три недели, что ваш муж не носит протезы – он как-то перемещался по дому? У вас есть кресло-каталка?

– Есть, – ответила Тамара. – Но он не пользовался им.

– Почему?

– Он всегда говорил, что на протезах и костылях он ещё хоть какой-то получеловек, а в кресле вообще никто. Поэтому он лежал.

– А туалет, душ, питание?

– Я ухаживала за ним. Обтирала водой, камфорой. Утку давала. Вы сами видели, никаких пролежней.

– Да, вы замечательно всё делали и делаете, – дед согласился с Тамарой. – То есть, по сути, всё это время он лежал, ел, спал, смотрел телевизор, а вы его умывали, кормили, перевязывали?

Жена молча кивнула.

– Тамара, скажите, когда он у вас последний раз хотя бы сидел? Кроме приёмов пищи, я имею в виду.

Она пожала плечами. Дед вздохнул, но ничего не сказал.

– Вы давно замужем? – внезапно задал он вопрос.

– Двенадцать лет, – ответила Тамара.

– Из них четыре года он без ног.

– Да.

Дед перевёл взгляд на Рыкова, потом на внука, снял шапочку, пригладил немногочисленные волосы на голове.

– Спасибо, Тамара, вы нам очень помогли. Можете идти в палату.

Когда женщина вышла, Озеров шумно вздохнул, словно перед неприятным разговором. Виктор очень хорошо помнил этот звук – в детстве так обычно начинались беседы о неправильно сделанных уроках или незаправленной постели. Он немного напрягся, потому что чувствовал – они с начальником что-то просмотрели.

– Хочу послушать ваше мнение, – внезапно сказал Владимир Николаевич. – Может, после моего осмотра у вас что-то добавилось к картине заболевания.

Рыков пожал плечами и посмотрел на Виктора. Тот отрицательно покачал головой.

– А ведь у вас все козыри на руках, сукины дети, – разочарованно сказал дед. И Виктор окончательно понял по «сукиным детям», что они действительно что-то просмотрели.

Дед разочарованно махнул рукой, достал из истории болезни снимок, положил перед собой.

– Красивая у него жена. Заботливая. Двенадцать лет вместе. Наверное, ещё пару лет добивался её – на Кавказе свои особенности. После ранения не бросила, с ним осталась. Одного не пойму – как они здесь оказались? Почему он не дома, в Чечне?

– Я узнавал, – ответил Николай Иванович. – Он позавчера разговорился на перевязке. Сказал – не мог инвалидом оставаться там, где вырос. Не хотел, чтобы родня ему из жалости помогала. Попросил в военкомате Грозного квартиру подальше, на Дальнем Востоке. Они пошли навстречу.

– Ну, что ж, спорить с ним не будем. Захотел жизнь прожить здесь – пусть. Места у нас всем хватит. Но кавказская женщина всегда остаётся кавказской, где бы она не жила. Для неё муж на первом месте. Вот она его своим вниманием и окружила, когда со здоровьем случилась проблема. Кстати, надо будет потом, когда всё с ним уладите, в протезную мастерскую в окружном госпитале обратиться, чтобы кое-что в конструкции изменили. Я нарисую, что и как.

– А мы уладим? – спросил Рыков. – Точно?

– Точно. Ведь главное понять, где источник... Смотрите – она его без протезов к активности не допускала. Он, прежде чем к вам попасть с ухудшением, почти три недели лежал. Пролетней нет, и на том спасибо. Но, кто мне ответит на простой вопрос – от чего умирают лежащие больные, даже если уход за ними очень качественный?

– А они умирают? – спросил Виктор.

– Ещё как, – подтвердил дед.

Рыков встал с дивана и сказал:

– Владимир Николаевич, буду с вами честен – хрен его знает, от чего они умирают. Как говорится, сдаюсь.

И он сел обратно. Дед усмехнулся.

– Идите сюда. Оба.

Они встали с дивана, подошли, как двоечники к профессору.

– Берите снимок, – он показал на тот, что лежал поверх истории болезни.

Виктор взял.

– Ну, не просто ж берите, – слегка возмутился Владимир Николаевич. – Смотрите, давайте.

Плёнку расправили на окне. Это оказался снимок брюшной полости с захватом малого таза. Ничего особенного, тени от воздуха в петлях кишечника, гребни тазовых костей.

– Ну, вот же, – дед не выдержал, встал с кресла и кончиком карандаша провёл по тонкому полукругу в районе мочевого пузыря. – Видите?

– Теперь вижу, – неуверенно сказал Рыков. – Линию вижу. Понимаю, что это – дно мочевого пузыря. И что?

– Я сейчас тебя заставлю себе такой же снимок сделать, – Владимир Николаевич говорил сурово и недовольно. – И, если ты на нём такое найдёшь, значит, я зря в хирургию подался.

Он отошёл немного в сторону, чтобы видеть и врачей, и снимок, который Виктор продолжал прижимать к стеклу, взял со стола свой пакет и достал оттуда «Справочник по рентгенодиагностике заболеваний внутренних органов».

– Она его своей любовью и заботой обездвижила. Помните поговорку про благие намерения? Лежащие больные умирают от урологического сепсиса. То, что вы видите на снимке – осадок в пузыре. Вас анализ мочи его не насторожил?

– Мы понимали, что он плохой, но не думали, что там первопричина, – медленно ответил Рыков. – Так, что нам делать-то теперь?

– Наипервейшая задача – Тамару отправить домой. Будет ругаться – объясните командиру, что она его своей любовью убивает. Пусть приходит на час вечером, еду приносит. Организовать коляску. Приставить к нему солдата из команды выздоравливающих в персональный пост, чтобы помогал в эту коляску пересаживаться. Инструктора по лечебной физкультуре пригласите. И давайте начальника урологии сюда, пусть промывную систему ставит, какую сочтёт нужным. С антибиотиком не подсказываю – я и так вам всё, что мог, на блюдечке преподнёс.

Он на секунду о чём-то задумался, а потом спросил:

– А кто снимок описывал?

Рыков открыл историю, посмотрел.

– «Органы брюшной полости и малого таза без патологии, данных за свободный газ и кишечную непроходимость нет». Подпись – Ковалёв.

– Мало он в туалете учебники читал, – покачал головой дед. – Увидите его, скажите – приходил Озеров, кланяться велел и просил главу про исследования полых органов перечитать повнимательнее.

Он ткнул пальцем в справочник, а потом повернулся к Виктору спиной с молчаливой просьбой развязать халат.

– Выполняйте, – на прощание сказал он хирургам, садясь в такси. – А у меня ещё дела на даче. Поехали, уважаемый.

Когда машина скрылась в глубине аллеи, Рыков трясущимися руками достал сигареты с зажигалкой и закурил.

– Дайте мне пять минут, – попросил он неизвестно у кого. – Просто пять минут. А потом я позвоню урологам...

Он сделал несколько глубоких затяжек, глядя куда-то в небо и шевеля в перерывах между ними губами, будто разговаривая с невидимым собеседником. Потом щелчком отправил окурок в траву и спросил Виктора:

– А он не хочет обратно вернуться? Я б ему даже к окладу доплачивал. Из своего кармана.

Платонов пожал плечами. Он чувствовал себя жутким неучем и профаном, но в глубине души ужасно гордился своим дедом. От этого хотелось улыбаться, и он с огромным трудом сдерживался, боясь разозлить и без того взвинченного начальника.

Они вернулись в ординаторскую. Виктор подошёл к столу Рыкова и увидел, что в справочнике есть закладка. Рука сама потянулась к книге, он открыл её на нужной странице.

– «Пример снимка малого таза. Мочевой пузырь с осадком», – прочитал Виктор вслух. На иллюстрации был снимок Магомедова – ну, просто один в один.

– Он знал, – тихо сказал за спиной Рыков. – Он ещё вчера всё знал, когда я позвонил, а ты ему рассказал.

У Платонова на несколько секунд перехватило дыхание. Он не представлял, что ответить, да и нужно ли.

– Сколько Владимиру Николаевичу лет?

– Восемьдесят, – Виктор всё ещё был не в силах окончательно прийти в себя от изумления.

– Я лет десять смогу ему зарплату платить, – произнёс Рыков. – И картошку копать на даче.

И Виктор вдруг понял, что начальник не шутит.

4

Сделав из бинта ремешок, Владимир Николаевич повесил на шею небольшую кастрюльку и зашёл в заросли малины. Аккуратно раздвигая колючие ветки и неприятно царапающую листву, он принялся сдёргивать большие сочные ягоды. Периодически дед отмахивался от назойливых ос, чьё гнездо было, похоже, где-то поблизости.

Виктор в нескольких метрах от него качал воду из скважины в бочку и украдкой смотрел на часы – хотелось есть, пить и домой. Ещё с детства он помнил – плана поездки на дачу не существует, он формируется непосредственно на месте. Поэтому обещания типа «выкопаем картошку, соберём крыжовник – и сразу назад» никогда не выполнялись. К первым двум пунктам обязательно добавлялась прополка, формирование водного запаса, уборка какого-то непонятного мусора, поливка-подкормка и ещё много чего.

Вот и сегодня слова деда «Надо бы малину собрать, а то пропадает» он, как и много лет назад, не воспринял всерьёз, но «накачать две бочки воды, а если в скважине мало, то натаскать с ручья» – оказалось полной неожиданностью. Наполнить бочки ещё куда ни шло, но ручей был в двухстах метрах, и носить оттуда по два десятилитровых ведра, ой, как не хотелось.

С того дня, как Владимир Николаевич помог им с Рыковым разобраться с причинами болезни Магомедова, прошла неделя. Ильясу стало легче на следующий день после прицельного курса лечения. Тамара, конечно, была возмущена тем, что её вежливо, но жёстко отстранили от ухода за мужем, однако Николай Иванович был непреклонен. Он немного усугубил картину заболевания, придумав какие-то несуществующие бактерии, опасные и для самой Тамары; она поверила, собрала вещи и ушла домой, возвращаясь лишь на один час в день и надевая перед входом в палату халат, бахилы и маску, словно собиралась войти не к мужу, а в город, заражённый чумой.

Дед, конечно, поинтересовался результатами лечения. Виктор доложил – как всегда, на кухне, за чашкой чая. Владимир Николаевич записал себе на листочке, какие именно антибиотики они использовали, чтобы быть в курсе современной терапии сепсиса.

Предложение начальника Виктор озвучил – больше, конечно, в шутку. Дед усмехнулся:

– Приходить буду, только позовите. И доплачивать мне не надо. Вы, главное, чуть шире мыслите. На мелочи внимание обращайте. Проблема может быть не только в пациенте, но и в его окружении, поведении, в его быту, привычках. А в помощи я вам никогда не откажу, пока ноги ходят и глаза видят.

– Спасибо, дед, – только и смог ответить внук. – Постараемся не эксплуатировать внаглую, но иногда без твоего опыта не справиться.

– Лишь бы я для вас палочкой-выручалочкой не стал, – дед скептически покачал головой. – Понадеетесь на меня – а я ведь тоже не всемогущ.

Такой вывод у Виктора в голове не помещался. Дед был непререкаемым всезнающим авторитетом, и на этом фундаменте много лет существовало глубокое уважение к Владимиру Николаевичу.

Виктор периодически заставлял у деда в гостях своих коллег по госпиталю – они приходили к нему так же, как и он, за ответами. Хирурги, травматологи, урологи – почти у всех находился вопрос к Владимиру Николаевичу. После их ухода на столе в комнате вырастала на время стопка книг, по ним дед сверялся со своими знаниями, не отдавая всё на откуп стареющей памяти. На любой эпизод у него была готова цитата из справочника или снимок из личного архива.

Виктор иногда заглядывал в те книги, что служили деду источником знаний. Он видел главы, где были подчёркнуты целые абзацы; страницы с пометками на полях, небольшие закладки с комментариями, вложенные в нужных местах. Это могли быть как самые про-

стые «Неотложные состояния в хирургии», что жили в столе у каждого врача, или том «Большой медицинской энциклопедии», так и книга со странным названием «Общая хирургическая агрессология», что вызывало у Виктора ассоциации с каким-то вероломным нападением болезни на человека в четыре часа утра без объявления войны.

Во время визитов нейрохирургов дед доставал из стола свои лекции из Академии, где каждый нерв был им собственноручно нарисован – вот кисть с повреждением локтевого нерва, вот – срединного, а тут человечек в положении «рука просит, нога косит» – после инсульта. Он рисовал сам, да так здорово, что все изображения могли служить хорошими иллюстрациями для учебников.

Травматологов у Озерова ждала большая коллекция снимков на все случаи жизни и огромное число придуманных им конструкций для фиксации, на часть которых были оформлены изобретения и рацпредложения. Полигоном для их создания Владимиру Николаевичу служили детские конструкторы Виктора, в большом количестве оставшиеся после окончания школы. Всегда под рукой были гигантский транспортир, линейка, макеты костей из обрезков метапола – дед мог спланировать любую операцию, не выходя из дома, на крайний случай в гараже, если каких-то деталей не хватало. Например, дома не было негатоскопа, но он сам сделал его из посылочного ящика, висящего на стене кладовой, и проведённой внутрь него лампы; в остальных случаях негатоскопом деду служило окно.

– ... Не заснул? – дед подошёл тихо и незаметно. – Я смотрю, насос шуметь перестал.

– Да вот задумался, – ответил Виктор, глядя в бочку и понимая, что она практически полная. – А ты, я гляжу, с малиной разобрался?

– Варить всё равно некому, так что дочиста не стал выбирать. Поедим зато вдоволь. Не зря её медведи любят. Давай, заканчивай.

Он пошёл вверх по склону к домику. Виктор снял матерчатые перчатки, бросил их в сарай и двинулся следом. Дед шагал широко, придерживая кастрюльку с малиной одной рукой. Внук с трудом поспедал за ним.

Наверху Владимир Николаевич поставил собранную малину на лавочку, погремел садовым умывальником, тщательно вымыв руки и вытерев их так же, как десятки лет делал это в операционной: одну ближайшим концом полотенца, другую, через перехват – противоположным. У Виктора эта привычка тоже перешла с работы в жизнь.

Сев рядом с кастрюлькой, дед прислонился спиной к стене дома, держа осанку. Две межпозвоночные грыжи, перенесённые практически на ногах, постоянно давали о себе знать.

Он оглядел своё хозяйство, потом, не поворачивая головы, нащупал малину и взял целую пригоршню.

– Ты тоже давай, – указал он Виктору. – Я всё не съем. Не пропадать же добру.

Виктор присел рядом, вытянул ноги. Руки приятно гудели от усталости; ягоды были очень вкусными, сладкими.

– Ты только смотри, чтобы клопов внутри не было, – предупредил дед.

– А раньше ты не мог сказать? – спросил Виктор; рука с малиной замерла у рта, он оглядел каждую ягоду.

– А раньше я и сам забыл, – засмеялся дед.

– А почему вспомнил?

– Потому что чуть не съел.

– Клопа?

– Ну, а что тут такого? Это же не он тебя ест, а ты его.

Этим логичным выводом дед всегда подкреплял своё предложение съесть, например, червивую сливу.

– Она же вкусная. Вкусней нормальной, – говорил он при случае. – Эх, вы, молодёжь, будете ковыряться, выкинете половину... Я с детства не приучен такое выбрасывать.

– Твоё детство в двадцатые годы прошло, – отвечал в таких случаях Виктор. – Гражданская война, потом коллективизация, голод. Я бы, наверное, в то время не только червивые сливы ел, но и хлеб с плесенью, и капусту гнилую.

– Хлеб с плесенью – это самое страшное, что ты смог себе представить? – дед сурово прокомментировал заявление внука. – Да уж, избалованы вы донельзя...

Они молча съели примерно половину литровой кастрюльки. Дед посмотрел на часы, спросил:

– Торопишься?

– Да не очень, – пожал плечами Виктор.

– К бабушке тогда заедем.

Он встал, взял в домике секатор, нарезал гладиолусов, положил их на лавочку рядом с Виктором и пошёл переодеваться...

Кладбище было недалеко, километров пять или шесть. Дед доехал быстро – внуку за руль сесть не предложил. Виктор сидел сзади, придерживал цветы и малину, если «Жигулёнок» подбрасывало на кочках; когда по краям дороги появились ограды и первые кресты, дед сбавил скорость.

Остановились в тени большой берёзы, выросшей на углу их сектора. Дед вышел из машины, взял у внука цветы, достал из багажника канистру с водой и пошёл впереди. Они перешагнули через низкую, сантиметров в тридцать, ограду, ступили на траву вокруг невысокого холмика.

– Здравствуй, Тонюшка, – сказал дед. Он всегда разговаривал с бабушкой, когда приходил сюда. Делал он это почему-то несколько виновато, словно извиняясь перед ней за то, что всё ещё жив.

«Антонина Михайловна Озерова» – в который раз прочитал Виктор, стоя у деда за спиной. Они были почти одногодками. Она – известная на всю страну молодая ткачиха, ставшая в одночасье медсестрой, он – молодой хирург, готовящийся к работе в больнице, но призванный на курсы военврачей в день начала войны. У обоих – «За боевые заслуги» и по ордену Красной Звезды. Оба ни разу не ранены, словно хранил их бог для жизни после победы.

Дед поставил цветы во вкопанную вазу, долил из канистры воды. Виктор протёр плиту у памятника, убрал листву и ветки, вздохнул, взял канистру и вернулся в машину. Это была традиция – дед оставался на лавочке один ещё минуты на три. Было видно, что у него шевелятся губы. Он всегда с ней разговаривал; однажды Виктор услышал долетевшие по ветру какие-то обрывки фраз, потому что дед из-за плохого слуха говорил громко, и после этого всегда уходил подальше, чтобы случайно не подслушать того, что не было предназначено для его ушей.

На этот раз было прохладно, ветрено, и Виктор сел в машину. В лобовое стекло изнутри билась случайно залетевшая муха; в салоне пахло малиной и совсем немного – бензином. Через несколько минут дед встал, подошёл к памятнику, положил на него руку, потом отвёл взгляд в сторону и направился к автомобилю, но по дороге вдруг остановился, а потом пошёл снова – но уже в другую сторону. Внук проследил направление. Целью деда была могила его сослуживца, её он тоже навещал, не каждый раз, но часто.

Виктор решил присоединиться к нему, вышел, направился к деду. Вдвоём они замерли у памятника, Владимир Николаевич покачал головой и сказал:

– Гляди, Рашид, вот и внук подрос. А ты его когда-то кишмишем кормил на даче, помнишь?

Виктор помнил. Был он тогда маленьким, дачный посёлок казался ему просто огромным, и сходить к дяде Рашиду за двести метров было целым приключением. Взяв деда за руку, они шагали мимо чужих заборов, живых изгородей, машин – а в конце этого пути ему всегда давали то конфету, то вкусный виноград. Дядя Рашид был очень худым, с блестящими глубоко посаженными глазами, постоянно в армейской рубашке; к мальчику он был добр, с дедом раз-

говаривал почти всегда только о работе. Они оба когда-то служили вместе в госпитале, дед – ведущим хирургом, а Рашид Ахмеров – ведущим терапевтом. Из когорты врачей, прошедших войну, они оставались в госпитале «последними зубрами». И вот за пару лет до бабушки дядя Рашид умер. Тихо, незаметно, у себя на даче.

– Я последний остался, – сказал дед памятнику, на котором дядя Рашид был изображён молодым капитаном в заломленной набок фуражке. – Держусь пока. Вот к Тонюшке приезжал. Да и про тебя не забыл.

Ахмеров, немного наклонив голову к плечу, молча смотрел перед собой с плиты.

– Врач был гениальный, – не поворачиваясь, сказал дед Виктору.

– Я знаю.

– Ты просто так знаешь, с моих слов, – дед покачал головой. – Это видеть было надо, как он работал. Как думал, как выводы делал. Говорят, в русской терапии было две школы: одна – боткинская, вторая – захарьинская. Боткин был гением осмотра, а Захарьин – гением анамнеза. Каждый в свою сторону весы перетягивал. А Рашид – он умел и то, и другое. В совершенстве. Сейчас все горазды терапевтов ругать. А ты попробуй, как раньше, в шестидесятые – тонометр, мутный снимок лёгких, фонендоскоп, термометр и анализ крови. Собери из всего этого диагноз. Привыкли к УЗИ, без МРТ жить не можете, пневмонии пульмонолог лечит, стенокардию – кардиолог. Нет, я не против, – он развёл руками, – но вы, ваше поколение, всё дальше и дальше от больных уходите, кругом техника, техника, техника... Компьютеры, алгоритмы, стандарты. А вот этот, – он указал на фотографию на памятнике, – до последних дней в госпитале ЭКГ сам читал, снимки лично смотрел, лёгкие и сердце выстукивал – выстукивал! – и, что самое важное, думал. И тебя я тоже всю жизнь учу – думай!

Виктор слушал, не перебивая.

– Не растеряйте это, – повернувшись к внуку, говорил дед. – Старую школу не профукайте. Пока мы живы... – он посмотрел на могилу Ахмеров, кашлянул. – Пока я жив. Спрашивай. Книги бери. Советуйся. Умей слышать, видеть. Пропедевтику ещё помнишь? Границы сердца, верхушки лёгких? Печень руками пропальпируешь?

– Да помню, дед, – слегка возмутился Виктор. – Ну, ты совсем меня недооцениваешь!

– Вот видишь, Рашид, – сказал Озеров, обращаясь к памятнику. – Возмущается. Значит, есть ещё самолюбие у этого поколения. Будем надеяться, что не зря мы в них вкладывались.

Дед кивнул памятнику и решительно зашагал в сторону автомобиля. Виктор посмотрел ему вслед, взглянул ещё раз на молодого Ахмеров, подмигнул ему зачем-то и пошёл следом за дедом.

Ехали они с кладбища молча. Дед думал о чём-то своём, Виктор просто смотрел в окно.

– Тебя домой? – внезапно спросил дед. – Или я в гараж, а ты потом сам дойдёшь?

– Можешь и в гараж, – пожал плечами Виктор. – Могу прогуляться.

...Пока дед открывал ворота, он всё думал, спрашивать или нет. Дед слишком серьёзно прошёлся у могилы Ахмеров по профессиональным качествам внука, и на этом фоне просить помощи было несколько неловко.

«Но он же сам предлагал», – оправдывался перед собой Виктор. Тем временем, дед въехал в гараж, закрыл замки, подошёл к внуку и протянул ему руку для прощанья.

– Я, пожалуй, зайду, – решил наконец Виктор. – Спросить кое-что хочу.

Дед приподнял одну бровь.

– Ну, тогда заходи, – он согласно кивнул. – На вот малину, неси.

Виктор взял кастрюльку и пошёл к подъезду, на ходу машинально съев несколько ягод. Войдя в квартиру, дед направился на кухню, включил там чайник – старый, обыкновенный, на газовой плите, – а сам отправился в ванную. Виктор присел в комнате в кресло, закинул ногу на ногу, осмотрелся.

У деда, как всегда, был порядок. Ни грамма пыли на серванте, ни крошки на ковре. Пара книг на столе у его кресла, где он проводил большую часть времени, рядом телефон и фотография молодой бабушки – точно такая же, как на памятнике. На подоконнике несколько цветков в горшках; он не бросил за ними ухаживать, сохраняя в знак памяти. Рядом с цветами – несколько газет и пара рентгеновских снимков.

– Приходил кто-то? – спросил Виктор, когда дед вернулся.

– Петя, – ответил дед, поняв, о чём речь. – Искали с ним «суставную мышь». Нашли. Зря рентгенологи считают, что она не контрастная. Я вижу. А после меня и Петя увидел.

Он загремел на кухне кружками. Через три минуты чай был готов, дед принёс свою кружку в комнату, поставил её на стол поверх сложенной газеты.

– Ты за своей сам давай, слуг у нас нет.

Виктор встал, вернулся с кружкой и вазочкой с вареньем, сел за стол напротив деда.

– Есть у нас девочка одна... – начал он. – Прапорщик. Связистка Оля Лыкова. Лежит третий день. Температурит под тридцать девять, боли в области большого вертела слева. Очень ногу бережёт, на левом боку не лежит. Ходит так, как будто ей в бедро выстрелили. Да, если по правде сказать, уже и не ходит.

Дед отхлебнул чай, поставил кружку, сел поудобней.

– С её слов, болеет около десяти дней. С ухудшением. Приходила в нашу поликлинику, дали ей освобождение на три дня, назначили физиолечение...

– Лечили от чего?

– В медкнижке написано «Деформирующий остеоартроз левого тазобедренного сустава».

– Ей лет-то сколько? – удивился дед.

– Тридцать четыре.

– Она связистка не в десантной бригаде? Не прыгала никогда? – уточнил сразу дед.

– Нет, к десанту у неё никакого отношения. Травму отрицает.

Дед кивнул и постучал пальцами по подлокотникам кресла.

– В общем, стало ей хуже, из поликлиники её направили к нам. Рыков положил, поставил диагноз «Воспалительный инфильтрат», принялся лечить антибиотиком, компрессами. Динамики никакой. Мы вместе ещё раз посмотрели через день. Я пропунктировал то место, что больше всего болело – ничего не получил. Или не попал, что тоже возможно. Рентген, УЗИ – сделали. Но я после Магомедова к нашим рентгенологам как-то скептически стал относиться. Вот мы и думаем, что дальше делать.

– И что надумали?

– Ты же знаешь, у Рыкова есть поговорка: «Хороший скрип наружу вылезет». Сидим на попе ровно, ждём, когда гнойник сконцентрируется. Активно-выжидательная тактика.

– Подобная тактика хороша при холецистите, – дед покачал головой, – гнойная хирургия к такому не шибко располагает.

– Я понимаю, – ответил внук, повозил ложкой в кружке. – У тебя какие-нибудь печенки есть?

– Возьми батон, намажь вареньем, – сказал дед. – Считай, пирожное.

Виктор усмехнулся, но сделал именно так; откусил сладкий кусок, посмотрел на деда.

– Ты от меня ответов ждёшь, что ли? – недоуменно поднял тот брови. – После уросепсиса видишь во мне волшебника? Ты же очень мало информации дал. Исходя из того, что я услышал – где-то сидит гнойник. А правило тут одно: «Если есть гной, выпусти его». От Гиппократов до Войно-Ясенецкого – принцип неизменный.

– Сама Оля как-то не сильно согласна на операцию, – пояснил Виктор. – Ей надо на ногах быть через пару недель. Она очень просит, если есть возможность, попробовать полечить без разреза. Ты же знаешь, иногда получается с такими инфильтратами.

– Знаю. А что за срочность у неё? Отпуск, командировка, учения?

– Если бы. Всё гораздо прозаичнее. Муж у неё сидит. За убийство. И через две недели у них свидание. Говорит, могут после этого перевести куда-то, ездить придётся очень далеко. Надеется не пропустить встречу.

– Колония где-то у нас?

– Да, рядом с городом. Он третий год отбывает, вроде бы режим сделали чуть послабее – раньше она к нему раз в полгода ездила, а теперь вот чаще разрешили. Ну, она и рвётся туда.

Дед хмыкнул, взял со стола кружку, но прежде, чем сделать глоток, спросил:

– А убил-то кого?

– Я не все подробности знаю, – Виктор пожал плечами. – Сослуживца своего избил где-то в ресторане под Новый год. Говорят, из ревности. Тот с лестницы упал и головой ударился. Привезли к нам. Он умер в реанимации дня через два. А Лыкова под белы ручки и в колонию. Лет на восемь или больше.

– Да уж, от тюрьмы и сумы... – дед покачал головой. – Ладно, посмотрю я её завтра. Такси не надо, сам приеду. Ты только на проходной скажи, чтобы «Жигулёнок» мой пропустили. И подготовьте там всё – историю, снимки. И после осмотра своего, как и в прошлый раз, сначала вас спрошу. Если вообще ничего не скажете – в следующий раз не приду, не взыщите.

Виктор согласился на такие условия. На следующий день они с Рыковым ещё раз проштудировали историю болезни Лыковой, чтобы наизусть знать все анализы и анамнез заболевания, Николай Иванович заранее проветрил кабинет и не курил с самого утра. Снимки лежали аккуратно на столе в хронологическом порядке.

Около десяти часов раздался звук мотора. Дед в силу своего не самого хорошего слуха газавал обычно очень мощно, из-за чего все переключения передач происходили у него с неслабым рёвом двигателя. Виктор выглянул в окно, хотя мог этого и не делать – другого водителя с такой манерой вождения он никогда не видел.

Озеров остановился метрах в тридцати от входа, возле беседки. Солдаты уже видели его неделю назад и с интересом смотрели, как два хирурга быстро спустились на улицу, чтобы поприветствовать гостя.

Владимир Николаевич пожал им обоим руки.

– Не слишком часто мы вас эксплуатируем? – спросил Рыков. – А то зачем ездить, я вам могу хоть сейчас стол в ординаторской поставить. Будете у нас на ставке.

Дед рассмеялся.

– Стар я на ставку штаны просиживать. Да и зачем вам постоянный консультант? Совсем расслабитесь, думать перестанете.

– Тоже верно, – вздохнул Николай Иванович.

Они поднялись в кабинет, заняли свои обычные места. Дед с улыбкой посмотрел на них, сидящих на диване, и сказал:

– В прошлый раз Виктор Сергеевич докладывал, теперь надеюсь начальника отделения послушать.

– Жаль, что мы так и не услышали начальника транспортного цеха, – бурча себе под нос, встал с дивана Рыков и добавил громкости. – Вам, Владимир Николаевич, мой старший ординатор основные факты рассказал вчера. Добавить могу только, что клинический анализ крови вчерашний – с ухудшением. Ночь спала беспокойно. Лежать без особой боли может, только если нога на шине Белера. Антибиотик сегодня пора менять, потому что всё мимо кассы – но так как нет толком диагноза, то сложно понять, на какой.

Дед выслушал этот монолог, встал, повесил пиджак на спинку кресла, жестом показал, что хочет халат. Потом они вышли в отделение.

Женская палата была вторая по счёту. Начальник пошёл вперёд, Озеров за ним, замыкал эту маленькую колонну Виктор. Когда они проходили мимо первой палаты, оттуда донёсся сдавленный крик, потом что-то ударило в дверь изнутри.

Рыков остановился, резко открыл дверь и заглянул. Крик повторился, на этот раз громче. Дед заинтересованно подошёл поближе, посмотрел в проём из-за спины начальника. На кровати у окна лежал пациент с забинтованными руками, одна из которых была дополнительно прификсирована к кровати поясом от байкового халата. Под дверью валялось яблоко.

– Прошу прощения, Владимир Николаевич, – извинился Рыков. – У нас тут ожоговый пациент. Пенсионер. Всё как обычно. Обгорают по пьяни, попадают к нам, а через пару дней у них «белочка». И начинаются визиты психиатра – капают ему что-то, колют, а они ни в какую. Этот второй день в дверь кидает всё, что в руки попадается.

– Сибазоните алкоголика? – спросил дед. – А зачем?

– Чтобы переломался. Его ж лечить невозможно, – ответил Виктор. – Ни капельницу поставить, ни перевязку сделать. Он то цветы с одеяла собирает, то бочку в углу палаты закапывает.

Озеров обернулся и сказал:

– Вам что нужно – ожоги вылечить или алкоголизм?

– Ответ как бы сам собой напрашивается, Владимир Николаевич, – сказал Рыков.

– Ну, и дайте ему коньячку. Что вас – всему учить? «Белочку» сразу купируете. Он ещё вам за рюмку и перевязаться поможет. А то устроили мужику гестапо. Мало ли что он там в своих галлюцинациях видит. Я же знаю, у вас обязательно где-нибудь в шкафу стоит бутылка про запас. И не одна.

– Всё-то вы знаете, – усмехнулся Рыков.

– Конечно. Думаешь, мне водку не приносили? Если бы я всё это выпил – вряд ли бы мы сейчас разговаривали.

Николай Иванович машинально прикоснулся к проекции своей печени, вздохнул и сказал:

– Примем к сведению. И даже попробуем. Сегодня.

Он закрыл дверь в палату и жестом предложил Владимиру Николаевичу пройти в следующую. Когда они вошли, Оля отложила в сторону книгу, которую читала, положила руки поверх одеяла, поздоровалась. О предстоящем осмотре она была предупреждена.

Озеров остановился в дверях, поздоровался и посмотрел на Лыкову, отчего она немного смутилась, но дед будто не заметил этого и не отрывал взгляда от её лица.

Спустя минуту он словно очнулся и подошёл поближе.

– И давно ты такая бледенькая? – спросил он её по-отечески.

– Да не очень, – тоненьким слабым голосом ответила Оля. – Мне на службе подружки на узле связи сказали с месяц назад. И как раз тогда у меня левое колено заболело.

– Колено? – одновременно удивились Рыков и Владимир Николаевич. Дед перевёл взгляд на начальника:

– Ты первый раз про колено услышал?

Тот молча кивнул, сжав зубы. Это было очень неожиданно – на третий день так проколоться с анамнезом перед консультантом. Виктор тоже узнал от Оли про больное колено только сейчас.

Дед подвинул к кровати стульчик, присел рядом.

– Хромаешь давно?

– Ну, вот месяц и хромаю. Всё больше и больше.

Владимир Николаевич откинул с больной ноги одеяло, посмотрел, не прикасаясь.

– Видите? – обратился он к хирургам, стоящим рядом. – Нога слегка отведена и повёрнута наружу. Очень важный момент. Тебе так легче, дочка?

Оля кивнула.

– Попробуй ногу поровнее положить.

Лыкова попробовала и вскрикнула от боли. Нога тут же вернулась в прежнее положение. Дед повернулся к коллегам и поднял вверх указательный палец правой руки.

– А спина у тебя не болит? – задал он следующий вопрос, когда убедился, что Рыков и Виктор его знак заметили – но не факт, что поняли.

– Поясница, – кивнула Оля. – Так и хочется под неё подушку положить.

– Патологический лордоз, – дед произнёс это медленно и отчётливо, фиксируя внимание врачей. – А если попробовать согнуть ногу сильнее, то он исчезнет. Но мы не будем пробовать, потому что... Смотрите.

Он откинул одеяло полностью и показал на разницу в окружности бёдер. Левое действительно было слегка атрофично.

– Уверяю вас, что если сейчас её поставить, то мы увидим, что слева ягодичная складка стала гораздо меньше. Пациентка щадит ногу уже месяц. Ходить приходится много? – вновь обратился он к Оле.

– Да не очень, – ответила Лыкова. – Со службы и на службу автобусом. Остальное всё в пределах военного городка.

– Спорт? Дальние походы?

– Я вообще не любитель. Только если в части какие-то нормативы сдаём, но они не сложные. Последний раз далеко ходила, когда свидание дали с мужем, там от автобуса до колонии четыре километра в одну сторону через сопочку. Но это три месяца назад было, тогда ничего ещё не болело.

– А свидания подолгу?

– В тот раз сутки было. В специально отведённом домике на территории.

– Сидеть ему долго ещё?

– Чуть больше половины. Четыре года и семь месяцев, – она вздохнула и опустила глаза.

Дед внимательно выслушал, потом встал у кровати, наклонился, взял своими сильными не по возрасту руками ногу ниже колена и сделал несколько лёгких движений, не вынимая её из шины – вращал, разгибал, постукивал. Виктор с Рыковым услышали какие-то странные фамилии, угадав в них названия симптомов. По окончании осмотра Озеров аккуратно накрыл Олю одеялом, улыбнулся и погладил по голове.

– Всё хорошо будет, – он махнул рукой на докторов. – Я уверен, они справятся.

Оля тихо сказала «Спасибо» и взяла в руки книгу. Консилиум врачей вышел в коридор и направился в ординаторскую.

Дед, ничего не говоря, поднял со стола снимки, посмотрел на негатоскопе, после чего повернулся к дивану и спросил:

– Помните, что я обещал?

– Если мы ничего не добавим к тому, что и так было известно до сегодняшнего дня, то вы к нам больше не придёте, – повторил Рыков.

– И как вы решили поступить с этим условием?

– Нога у неё лежит в вынужденном положении. Ротирована наружу. Где-то в области тазобедренного сустава гнойник. Но при чём тут колено? – Виктор развёл руками. – И на что указывает боль в пояснице?

– Почти все заболевания тазобедренного сустава начинаются с боли в колене. Вот такой финт делает наш организм. Знаешь, сколько пациентов с некрозом головки бедренной кости годами лечат артрозы коленных суставов? Каждый второй. Ну, а боль в пояснице – она указывает на то, что пациентка переразгибает спину, чтобы снять напряжение, – констатировал дед. – Ей делали УЗИ вертельной сумки – вы думали, что гнойник там. Этого мало. А вот то, что она к мужу ходила последние пару лет, в том числе три месяца назад, и целый день с ним в колонии провела – вот это поважнее всех ваших рентгенов будет.

Рыков опёрся на подлокотник дивана и прикрыл глаза рукой.

– Не прячься, Николай Иванович, – дед усмехнулся. – Но в пассив себе запишешь. И ты тоже, – он сурово посмотрел на Виктора. – Доложите ведущему, что у пациентки Лыковой туберкулёз тазобедренного сустава. В округ её надо переводить, наша фтизиатрия не вывезет, хотя проконсультироваться у них можно насчёт подтверждения диагноза и антибиотиков. И попутно ещё очаги поискать. Повнимательнее.

– Колония! – хлопнул себя по лбу Рыков. – Ну, как так...

Дед встал, Виктор подскочил с дивана и помог ему снять халат.

– Хорошо, что сходу не прооперировали. Плохо, что не додумали до конца. Если есть возможность – в колонию сообщите. Пусть мужа обследуют, а то он до освобождения может и не дожить.

Рыков слушал как загипнотизированный. Он уже мысленно расписался в приказе с выговором за просмотренный туберкулёз. Дед похлопал его по плечу, кивнул внуку и вышел. Через пару минут за окном заревел движок «Жигулёнка», свистнули колёса.

– Ты ему вчера про колонию говорил? – посмотрел на Платонова Николай Иванович.

– Говорил.

Начальник подошёл к окну, вытащил спрятанную между рам пепельницу, закурил. Виктор встал сбоку так, чтобы дым не попадал на него, и сказал:

– Я понял, почему он так долго на неё смотрел, когда в палату вошёл. У неё же типичное лицо тяжелобольного человека, лицо туберкулёзника. Она просто красилась, словно сумасшедшая, после того, как ей подружки сказали, что выглядит не очень. А я вчера ей приказал, чтобы с утра никакой косметики. И сразу всё проступило.

– Надо на женской палате объявление повесить. О запрете косметики в принципе, – сурово сказал Рыков. – Они нам всю клинику стирают своим модельным видом.

Виктор улыбнулся, понимая, что бороться с этим практически невозможно. Женщины всегда будут стараться выглядеть лучше, чем они есть на самом деле. Но в словах начальника была здравая мысль – только приказывать надо было не пациенткам, а им самим. Смотреть более внимательно, заставлять смывать румяна, тональный крем и прочие штуки, с помощью которых можно запросто обмануть самого внимательного врача.

В ста метрах от отделения грохнули ворота на КПП – дед выехал за территорию. Рыков раздавил окурок в пепельнице и сел за стол. Надо было записать данные сегодняшнего осмотра в историю болезни.

– Представляешь, Виктор Сергеевич, – внезапно сказал он, – мне стыдно это всё писать и свою подпись ставить. Как будто я сам всё понял. Нечестно как-то.

– По-другому не получится, – стоя у окна, ответил Платонов. – Он же здесь был неофициально.

Рыков согласно покачал головой, потом взял ручку и написал в истории болезни заголовок «Обход с начальником отделения».

5

– Да, да, понял... – начальник кривил рот, чтобы дым от сигареты не попадал ему в глаза, но вынимать её не хотел. Он, как Цезарь, делал всё одновременно – курил, говорил по телефону и строчил дневники в истории болезни. – Мы придём, да... Сколько у нас времени есть? Вообще замечательно. Отвалите уже, господа.

Последнюю фразу он сказал, выключив телефон. Пепел упал одновременно с завершением разговора. Рыков, матерясь в голос, подскочил и принялся сдвигать его с операционного костюма.

– Николай Иванович, совсем вы себя не бережёте, – с трудом сдерживая смех, прокомментировал Виктор. – Могло ведь и в другое место упасть.

– Могло, – не поднимая головы, ответил Рыков. – Но не упало же.

Он затушил окурок в пепельнице и внезапно спросил:

– А почему я вместо тебя в кардиологию ходил, чтобы какую-то хрень им там написать про ангиосепсис? У меня что, старшие ординаторы кончились?

Платонов не ожидал вопроса, отвернулся на секунду, потом объяснил:

– Я туда больше не ходок. Возможно, временно, хотя...

– Елену Ивановну не потянул?

Прямой вопрос, в лоб. У них друг от друга секретов не было.

– Можно сказать и так, – Виктор встал, подошёл поближе. – Это всё Академия, будь она трижды проклята. Выпил, расслабился и проболтался. Выводы просты и очевидны.

Рыков ухмыльнулся.

– Слушай, я тебя на десять с лишним лет старше – но даже я бы не потянул. Ни в каком виде, – он наклонился поближе к Платонову. – Это был лишь вопрос времени. Причём уверен – Мазур и сама это понимала. Просто случай хороший представился. И она им воспользовалась.

Виктор вспомнил, как собирал свои немногочисленные вещи в квартире Елены и вдруг, выйдя от неё с чемоданом, ощутил какую-то лёгкость и завершённость этого мероприятия. В такси он садился с чувством, словно сейчас поедет как минимум в аэропорт, откуда начнётся длинное и увлекательное путешествие в новую жизнь.

– В общем, как бы то ни было – увольте пока меня от визитов туда, – попросил он. – Может, через пару месяцев...

– Через один, – пресёк попытку бунта начальник. – Даю месяц. Потом уж извини, мы на работу не дружить ходим и не в любовь играть.

Платонов понуро кивнул.

– Да, есть, так точно, – сухо ответил он. – А куда мы сейчас пойдём?

– В реанимацию. И поверь – тебе это будет как минимум интересно.

– Почему?

– Увидишь.

– Медсестра нам нужна?

– Если честно, понятия не имею. На месте разберёмся.

Дошли они быстро, Николай Иванович успел выкурить на ходу ещё одну сигарету.

В реанимации был какой-то аншлаг. Все четыре койки заняты; рентгенлаборант толкал перед собой через коридор передвижную установку, травматологи толклись у окна, разглядывая снимки, и было видно, что в зале у кого-то на дальней кровати, отгороженной ширмой, берут кровь.

Платонов зашёл следом за Рыковым, не претендуя быть первым номером. Подполковник Медведев, начальник этого хаоса, вышел к ним навстречу.

– Принимайте в своё хозяйство, – он махнул рукой в сторону той самой дальней койки. – Электротравма. В сознании, можете поговорить. Повязок нет, всё видно замечательно. Задача наша простая – определиться с уровнями ампутации. С тактикой на ближайшие несколько часов.

– Заинтриговал, Палыч, – Рыков приподнял брови.

– У нас отделение такое, – без каких-либо эмоций ответил Медведев. – От нас вопросы, от вас – ответы. Хотя почему-то чаще бывает наоборот.

Николай Иванович оглянулся на Виктора, сделал движение головой, приглашая за собой. Тот достал из кармана шапочку, надел. Они вошли, здороваясь на ходу с анестезистками, снующими между пациентами и полками с медикаментами. От нужной им кровати отошла лаборантка с пробирками, кивнула хирургам.

За ширмой не было видно человека целиком; только приблизившись к койке, Рыков с Платоновым смогли разглядеть, кто там лежит. Это был молодой парень с испуганным взглядом – и он постоянно хотел посмотреть на свои руки.

А посмотреть там было на что.

Раздутые, как барабан, и одинаковые, словно отражения в зеркале, предплечья с лоснящейся белой кожей, которая ближе к кистям становилась серой, как если бы на них надели перчатки. Правая кисть будто выломана сбоку в суставе, в свете потолочных ламп поблёскивала поверхность лучевой кости. Пальцы совсем чёрные, даже ближе к багрово-фиолетовому; все суставы, за исключением мизинца, раскрыты словно консервным ножом, что напомнило Платонову руку киборга из второго «Терминатора».

Рыков остановился справа от пациента, хирург обошёл его и посмотрел, что с левой стороной. Там было чуть лучше с суставами, но по передней поверхности предплечья в глаза сразу бросался обугленный участок размером с детскую ладонь.

Прозящий взгляд пациента говорил о многом. Их об этом всегда умоляли люди с подобными травмами – но, к сожалению, законы физики таковы, что прохождение электрического тока через тело человека часто оставляет после себя вот такие разрушения. И сделать уже ничего нельзя.

– Сколько времени прошло? – спросил Рыков.

– Я не помню, – хриплым шёпотом ответил парень.

– Два часа, – сказала за него анестезистка, подошедшая, чтобы сделать инъекцию. – Доставили сорок минут назад, сделали снимки, их травматологи разглядывают.

«Вот для чего тут передвижной рентгенаппарат», – понял Виктор.

– Двумя руками взялся?

– Я не помню, – тот же шёпот в ответ.

– Руки болят? Ты их чувствуешь вообще?

В ответ пациент поднял руки над кроватью, покрутил ими в локтевых суставах, но ничего более добиться от своих конечностей он не смог.

– Вы же не отрежете, нет? – беспомощным взглядом уставился он на Рыкова. Тот хотел что-то ответить, но промолчал. Спустя несколько секунд он указал Платонову на дверь:

– Пойдём поговорим со всеми причастными.

Они вышли, оставив мальчишку на кровати наедине с медсестрой, что работала с подключичным катетером, устанавливая капельницу. Виктор просто физически ощущал взгляд, которым парень прожигал им спины.

В кабинете у Медведева собрались к этому времени все, кто был нужен – сам начальник реанимации, Манохин со своим ординатором и Рыков с Платоновым. Ведущий хирург не спешил с визитом, но мог прийти в любую минуту.

– Итак, что мы имеем, – начал Медведев. – Электротравма, термические ожоги обеих верхних конечностей, открытые переломовывихи правого лучезапястного сустава и почти всех суставов пальцев правой кисти.

– Слева повеселее, – подал голос Рыков. Манохин молча кивнул, держа в руках снимки.

– Согласен, – кивнул Медведев. – Я не веду речь об уровне ампутаций. Я пока в целом. Что касается его общего статуса – могу сказать, что парень в рубашке родился, потому что мотор не пострадал особо, фибрилляция если и была, то он из неё выскочил самостоятельно. На ЭКГ есть незначительная экстрасистолия – до тридцати или сорока в сутки. Я её всерьёз не рассматриваю. Мазур потом придёт перед операцией, благословит.

– Отсюда ты хрен сбежишь, – шепнул Рыков, услышав фамилию Мазур. – Этого в нашем договоре не было.

Тем временем, Манохин развернулся к окну, показал всем снимки правой кисти.

– Тут вопрос ясен – проксимальная треть предплечья.

– А как же приказ по калечащим операциям? Оставлять максимально возможный сегмент? – подал голос Рыков. – Я за дистальную треть. В крайнем случае интраоперационно определимся. Но не больше средней трети.

Манохин насупился.

– Ведущий нас рассудит.

– Лично для меня, – добавил Медведев, – это решающей роли не играет. Что так сорок минут, что эдак. А вот левая рука? Есть по ней мысли?

Платонов молча встал, снова вышел в зал и вернулся к пациенту. Тот впал в какую-то медикаментозную дрёму: глаза были прикрыты, он ровно дышал и ни на что не реагировал. Виктор присел на корточки рядом с кроватью, аккуратно прикоснулся к серой толстой руке. Приподнял, осмотрел со всех сторон, взял шарик со спиртом, прошёлся по всем поверхностям в поисках хоть какой-то чувствительности. И увидел то, ради чего пришёл.

Его возвращения ждали. Он сел на место, помолчал немного и сказал:

– Левую руку я бы оставил.

Рыков сделал вид, что ослушался, наклонил к Платонову голову поближе и переспросил:

– Что бы ты сделал?

– Повторяю. Левую руку я бы оставил. Там видно, что лучевая сторона жива. Хорошо видно. По крайней мере, мне. Пальцы не выломаны, сустав тоже. Фасциотомию сделаем, давление уменьшим. Посмотрим, как поведёт себя ожоговый струп. Своя рука лучше, чем протез. Тем более, что один у него точно будет.

В кабинете повисла гнетущая тишина. Каждый присутствующий думал над словами Платонова, прокручивал варианты, вспоминал случаи из практики. И в этот момент открылась дверь, и вошли ведущий хирург полковник Кравцов, а следом за ним – Мазур.

Кравцов пропустил Елену к дивану, Манохин подвинулся, и в итоге Мазур оказалась между ним и Платоновым. Виктор почувствовал, как она изо всех сил старается поджать ногу, чтобы не прикасаться к нему. Сам ведущий опустился за стол напротив входа, куда обычно сажают самых привилегированных гостей вроде начмеда или командира. Он достал из кармана халата пачку сигарет, из листа бумаги свернул пепельницу – эдакий кулёчек, в каких бабушки на базарах семечки продают, закурил, оглядел всех и сказал:

– Коротко доложите. По существу.

Медведев поднялся и сказал:

– Сегодня около тринадцати тридцати из камеры в изоляторе временного содержания совершил побег сержант Михаил Терентьев. Он сумел выбраться из зарешёченного окна, но не удержался на карнизе и упал на расположенную внизу трансформаторную будку, во время падения машинально ухватившись за высоковольтный кабель обеими руками. Был отброшен ударом тока на пятнадцать метров, но по чистой случайности упал на свёрнутый во дворе бре-

зент и других повреждений больше не получил. Вызванная «скорая помощь» доставила его к нам не очень быстро, но вполне себе в приемлемые сроки. Проведена рентгенодиагностика, взяты анализы, установлен подключичный катетер, начата интенсивная терапия. Консультирован всеми специалистами, в настоящий момент требуется предоперационный осмотр начальника кардиологического отделения.

Платонов скосил взгляд на Мазур, но вдруг понял, что в этом докладе была какая-то странность...

– Терентьев? – шепнул он Рыкову.

– А я говорил – тебе будет интересно, – ответил тот.

«Бог шельму метит», – покачал головой Виктор. Это тот самый сержант, что сломал челюсть Липатову и был увезён из госпиталя сначала в комендатуру, а потом в другое ведомство. Судя по всему, Терентьев наслушался разговоров и решил рвануть в бега – за причинённые увечья ему грозил реальный срок. И вот как обернулось...

Тем временем, Елена попросила историю болезни, что-то там посмотрела, после чего вышла в реанимационный зал. На диване стало посвободнее, Платонов вытянул ноги и приготовился выслушать решение Кравцова, но прежде было дано слово Рыкову и Манохину. Каждый из них сказал, что думал; Николай Иванович принял сторону Платонова в отношении левой руки.

Ведущий хирург послунывил кончик сигареты, потушив её, бросил в свой кулёчек, смял его, положив на стол. Потом сделал жест обеими руками, будто поднимал всех с дивана. Доктора встали и прошли с ним к пациенту. Возле кровати они выстроились полукругом, Кравцов подошёл поближе, взглянул на руки Терентьева, потом на протянутые Манохиным снимки. Платонов же смотрел то на лицо пациента, то на разглядывающую чуть в стороне ЭКГ Мазур. Елена поверх формы накинула халат, натянувшийся маленькими полочками погон на плечах. Виктору казалось, она чувствует, как он на неё смотрит. Поэтому старалась стоять максимально выгодно, немного полубоком, откинув волосы за ухо.

– Я думаю, имеет смысл согласиться с позицией наших комбустиологов. Правую руку убирать в средней трети предплечья, левую пока оставить. Мнение Платонова по ней поддерживаю, – подытожил Кравцов. – Записать как обход с ведущим хирургом, операцию выполнить немедленно. Взять согласие, известить родственников.

Манохин что-то пробубнил себе под нос, но вслух высказываться не стал. Он отправился на выход, уводя своего ординатора. Больше ему здесь делать было нечего.

– Ишь, недоволен, – проводил его взглядом Рыков. – Руки отрезать мы и сами умеем. Пойду узнаю, что там по сердечку.

Он подошёл к Мазур, что-то спросил. Та в ответ обозначила несколько мест на ЭКГ, что показались ей сомнительными, потом на мгновение оглянулась на Платонова и, недовольная этой своей слабостью, окончательно повернулась к нему спиной. Чтобы не раздражать Елену, Виктор вернулся в кабинет. Следом зашёл Рыков.

– Родственников извещать, думаю, не придётся, – проинформировал начальник. – Когда этого боксёра забрали, его отец примчался откуда-то из Сибири. Гостиницу тут снял, пытался адвоката найти. Ему уже сказали в Следственном комитете, я уверен.

– Противопоказаний по сердцу нет? – уточнил Платонов.

– А если б были? – усмехнулся Рыков. – Ты бы отложил операцию?

Виктор пожал плечами.

– А кто согласие подписывать будет?

– Отец, – Николай Иванович пошарил по карманам, нашёл сигареты. – Хитро Кравцов с этими кулёчками придумал. Курит везде. Я у нас за диваном пару таких бумажных пепельниц как-то нашёл после обходов. Покурит и прячет их по углам.

– Странная привычка, – Платонов думал о предстоящей операции, но пытался поддерживать разговор.

– У него это, говорят, ещё с Афганистана. Ему в операционной санитарки такую штуку придумали, чтобы он пепельницу не искал. Курил между операциями. Ты у него в кабинете был?

– Конечно.

– Обрати внимание – пепельниц там нет. Он свои кулёчки на рефлексах крутит.

Возле входных дверей в реанимацию возник какой-то шум – мимо медсестры пытался прорваться взъерошенный седоватый мужчина в мятом костюме.

– Пропустите, у меня сын здесь! – объяснял он свои права, а потом увидел в глубине отделения врачей, махнул им рукой и крикнул:

– Что с моим сыном? Терентьев Михаил, я знаю, что он здесь!

– Пропустите к нам, – скомандовал Рыков. Медсестра нехотя отошла в сторону, мужчина быстрым шагом пересёк коридор, но у входа в реанимационный зал задержался, чтобы бросить внутрь быстрый взгляд, да так и замер там.

– Надо ему чего-то накапать, – сказал Николай Иванович, не обращаясь конкретно ни к кому.

– Что накапать? – поднял голову от истории болезни Медведев. – Это реанимация, а не детский сад. Тут даже в таблетках почти ничего нет. Ишь, накапать, – буркнул он себе под нос, завершая монолог. – Если что, по щекам похлопаем, кислород дадим.

– Логично, – кивнул Рыков, подошёл к отцу Терентьева и, взяв его за руку, привёл в кабинет. – Давайте пока здесь обсудим, у вас ещё будет время с сыном пообщаться. Вас как зовут?

– Пётр Афанасьевич, – мужчина представился. Он всё время порывался оглянуться на двери зала, но Рыков не выпускал его руки и медленно подводил к дивану.

– Присядьте. Сын ваш жив, умирать пока не собирается, но нам надо решить с вами очень важные вопросы.

Терентьев-старший сел, сложил руки на коленях и приготовился слушать. Когда ему озвучили диагноз и вероятное развитие событий на ближайшие несколько часов, он как-то неожиданно сгорбился, пригладил волосы рукой, потом поднял умоляющий взгляд на Рыкова и спросил:

– Это окончательное решение? Он будет инвалидом?

Николай Иванович, глядя ему в глаза, молча кивнул.

– Надо же что-то подписать, – сказал Пётр Афанасьевич. – Давайте, я подпишу...

Рыков взял протянутый Медведевым лист согласия на операцию, быстро внёс туда её название «Ампутация правого предплечья на уровне средней трети под общей анестезией» и протянул отцу Терентьева.

– Просто впишите свои данные вот в эти строчки... – Рыков показал, куда. Пётр Афанасьевич обречённо подсел к столу, взял ручку, медленно и аккуратно написал то, что от него требовалось, поставив внизу небольшую незамысловатую подпись.

– Я могу с ним поговорить? – спросил он.

– В настоящий момент он находится не совсем в подходящем для беседы состоянии, – ответил Медведев. – Мы его немного заседатировали, потому что руки свои он видел, к сожалению. И неизбежность происходящего осознаёт. Но подойти к нему не запрещается. Вот халат, – он достал из шкафа одноразовую голубую накидку, – стульчик там поставим рядом. Но недолго, пожалуйста, начинается предоперационная подготовка.

Пётр Афанасьевич кивнул, накинул халат и вошёл в зал. Рыков и Платонов встали в дверях. Санитарка поставила табуретку, Терентьев-старший опустился на неё, а потом увидел руки сына. Несколько секунд он рассматривал их широко распахнутыми глазами, и у Николая

Ивановича возникла мысль о том, что они только что застали самое начало инфаркта, но потом отец выдохнул, задышал ровнее, медленно прикоснулся к левой руке Михаила и погладил её немного выше отёка.

– Не могу на это смотреть, – сказал начальник, отворачиваясь. – Ненавижу калечащие операции.

– А кто ж их любит, – угрюмо ответил на это замечание Платонов. – Помните офицера с отморожениями, которому мы из двадцати пальцев восемнадцать убрали? Одномоментно причём. Я ж помню – зашли в операционную, руки разложили на столики в разные стороны, присели и начали пилить и строгать. Вы ему на правой руке сохранили первый и второй пальцы, он хоть штаны в туалете снимает сам...

– Помню, конечно, – стоя спиной к залу, ответил Рыков. – На ногах тоже всё тогда убрали. Стоит признать, Виктор Сергеевич, что за все годы службы я не встречал ни одного человека с ожогами или отморожениями по какой-то серьёзной причине... Ну, например, в карауле стоял. Или людей из пожара вытаскивал. Только по дури. Только по глупости. И почти всегда по пьяни.

– Давайте операционников известим, – прервал эту философию Платонов. – Я думаю, через час возьмём на стол.

Рыков посмотрел куда-то в пол, потом вынул пачку сигарет и молча пошёл на улицу.

– То есть я буду звонить, – кивнул сам себе Виктор. – Ну, тогда я сам и сделаю всё.

...Через пару часов с небольшим всё было закончено. Ломать не строить – тут этот девиз подходил просто идеально. Правую руку убрали, положили в таз, завернув в полотенце. На левой сделали три послабляющих разреза – благодарные освобождённые мышцы тут же вылезли и взбухли в них, как красное тесто.

– Руку никуда не деваем, – уточнил Платонов. – Упаковать для судебныхников. После операции опишу макропрепарат, и отнесёте в лабораторию. Лично передадите, – объяснил он операционной санитарке. – Я помню, как вы в прошлом году ампутированную ногу в окровавленной простыне к стене прислонили у входной двери нашей патанатомии, потому что вам вовремя не открыли. А если бы её собаки съели – как бы мы потом доказали, что она вообще была?

– Да что ж вы мне тот случай всё время вспоминаете? – сокрушалась санитарка. – Холодно тогда было, зима, я в одном халате выскочила. Не повторится больше, тыщу раз уж сказала.

– Сколько надо будет, столько и вспомню, – Виктор самостоятельно накладывал повязку на левую руку и временами оглядывался на собеседницу. – Вы мне передачи носить не станете.

Санитарка вздохнула, взяла руку в полотенце и вышла с ней в предоперационную. Там стоял готовый бикс для транспортировки – оставалось только положить в него направление и описание. Платонов услышал, как она нарочито громко щёлкает застёжками и что-то бубнит себе под нос, посмотрел на Рыкова, стоящего напротив, и улыбнулся под маской.

Когда они сняли стерильные халаты и вышли из операционной, Пётр Афанасьевич сидел у дверей ординаторской. Увидев их, он молча встал, глядя на врачей с надеждой.

– Всё сделали, – коротко сказал Николай Иванович, доставая из заднего кармана ключ. – Ничего сверх того, о чём говорили.

Он открыл дверь, жестом предложил отцу зайти, в кабинете указал на диван.

– Сегодня его заберут в реанимацию, где он пробудет, я думаю, ещё пару дней, – открыв окно, повернулся к Петру Афанасьевичу начальник. – Надо подстраховаться – всё-таки, кроме ожога кистей, он ещё получил общую электротравму. Понаблюдаем.

Пётр Афанасьевич кивал чуть ли не каждому слову Рыкова, словно в них была какая-то стихотворная размерность.

– Лечить вашего сына в дальнейшем будет капитан Платонов, – Николай Иванович указал на Виктора. – Не смотрите, что молодой. Операцию выполнял именно он. И идея сохранить левую руку принадлежит тоже ему.

Терентьев встал с дивана и подошёл к Виктору.

– Спасибо вам, – он пожал доктору руку, хотя тот даже не успел её поднять навстречу. – Спасибо.

Платонов молча кивнул и немного отстранился – он не любил бесед на таком близком расстоянии.

– Когда я смогу с ним поговорить?

– Завтра, – Хирург хотел освободить свою руку, но Пётр Афанасьевич не понимал этого и продолжал сжимать пальцы Виктора. – Пусть отдохнёт после операции. В реанимацию вас пропустят, мы договоримся.

Наконец, ему удалось вырвать сжатую ладонь, и он отступил ещё на шаг, после чего сел за свой стол, закрывшись от Терентьева монитором компьютера хотя бы частично.

Пётр Афанасьевич вздохнул, потом вынул из кармана мятый листочек бумаги и положил рядом с Платоновым.

– Это мой телефон... Если что. Завтра я приду, конечно.

Он помолчал, сделал пару шагов к двери, но потом снова повернулся и спросил куда-то в стену:

– А что теперь будет с его делом? Ну, за ту драку.

Рыков поднёс ко рту сигарету, остановился на секунду, но всё-таки щёлкнул зажигалкой, затянулся и только потом ответил:

– Отсутствие руки не позволяет служить в армии. А вот сидеть в тюрьме... Драка, потом побег. Сейчас будет, как в «Джентльменах удачи»: «За побег ещё три припаяют».

Терентьев-старший невесело усмехнулся, а потом вдруг спросил:

– Может, вам денег дать? У меня есть. Немного, но есть. Вы ж его всё-таки...

– Что мы?! – швырнув в окно едва начатую сигарету, вдруг взвился Рыков. – Мы ему руку нахрен отрезали! Какие деньги? Кому? За что?

– Я не знаю, – отступил на шаг Терентьев. – Я подумал, что вы...

– Завтра приходите, – отрезал Николай Иванович. – В реанимацию. После семнадцати ноль-ноль. Деньги у него есть, ну надо же!..

Пётр Афанасьевич зачем-то поклонился – немножко совсем, после чего, пятясь, вышел и аккуратно притворил дверь.

– Да что ж за день такой сегодня? – Рыков сел с размаху в своё кресло, немного прокатившись по полу. – Ладно, ты мне лучше скажи – придумал, что с левой рукой делать будешь?

Платонов отрицательно покачал головой.

– А что ж ты тогда за неё так боролся?

– Чтобы хоть чем-то от медпункта отличаться, – ответил Виктор. – А иначе зачем мы здесь вообще?

Начальник посмотрел на Платонова, потом на часы и сказал:

– Значит, так. Я домой. Ты за старшего. Операцию запишешь, ведущему доложишь. Чтобы не зря ты здесь, как говорится, вообще. Пишите письма, шлите переводы.

Он на скорую руку переделался в офицерскую форму, стукнул дверцей шкафа и ушёл. Виктор посидел немного в тишине, прислушался к своим ощущениям, потом собрался с мыслями и начал печатать ход операции.

Внизу хлопнула дверь санитарной машины. Сержанта забрали в реанимацию.

6

Дед положил перед Виктором на стол несколько учебников.

– Вот почитай про итальянскую пластику.

– Прямо-таки итальянскую? – усмехнулся Платонов. – Я только итальянское диско знаю.

– Не паясничай, – сурово сказал дед. – Плохо, что ты в ожоговом отделении работаешь, а про такое ни сном, ни духом. Итальянские врачи ещё в пятнадцатом веке этим занимались, между прочим. С руки на нос лоскуты пересаживали.

Виктор, конечно, несколько грешил против истины, говоря, что не слышал о таком – конечно, слышал. Название, суть, какие-то случаи из чужой практики. Сам никогда не делал. Да и знаком был с пластикой больше по работам хирургов девятнадцатого века и позже. В эпоху Возрождения для приобретения опыта он точно не заглядывал.

Речь об этом зашла спустя десять дней после ампутации у Терентьева. К тому времени культя прекрасно зажила, а вот на левой руке начал формироваться просто огромный дефект тканей с локтевой стороны. Виктор сделал одну некрэктомию и убедился окончательно, что кисть жива и неплохо питается из бассейна лучевой артерии – но получившаяся яма недалеко от сустава не давала ему покоя.

Сам Терентьев все эти дни был, конечно же, подавлен и молчалив. Перевязки переносил молча – да, собственно, больно там особо и не было, Платонов работал на участках ожога четвёртой степени совершенно свободно хоть скальпелем, хоть ножницами. И только к исходу десятого дня, после длительного химического воздействия салициловой мазью, он наконец-то добрался до жизнеспособных и кровоточащих участков. Сам пациент, не ожидая этого, внезапно охнул и отдёргнул руку.

– Мне нравится, – прокомментировал хирург и попросил шарик со спиртом. Терентьев отреагировал на прикосновения в нескольких местах.

– Щиплет, – сказал он, глядя в глаза доктора.

– Это лучшее, что я слышал за последние дни, – ответил Виктор. – Юля, хлоргексидин с левомеколем на рану.

– А это там кость? – спросил Михаил. – Там, на дне.

И он дёрнулся правой рукой, собираясь указать на то, что было ему непонятно, но через мгновение вспомнил, что указывать ему нечем, и убрал культю за спину, чтобы не видеть её.

Медсестра мастерски наложила повязку и поместила руку на косынку. Терентьев встал, сказал: «Спасибо» и вышел в палату.

– Там действительно кость, – согласилась с ним Юля. – Хороший дефект получился.

Платонов понимал, что после очередной некрэктомии он откроет локтевую кость на большом участке, и защитить её будет нечем. Вспомнился вопрос Рыкова: «Ну, и зачем ты за неё так бился?»

– Легко спрашивать, когда у тебя две руки, – сам себе сказал он, выйдя в коридор. – Когда ты сигарету можешь подкурить, стакан ко рту поднести, машиной управлять, женщину обнять.

Он уже не держал зла на сержанта за ту драку. Парень хлебнул сполна после этого, лишившись руки. Да и вторая пока под вопросом, но Виктор собрался бороться за неё до конца.

Именно поэтому он и пришёл сегодня к деду – спросить совета. Так всплыла тема итальянской пластики.

Он с интересом прочитал историю вопроса, произнося вслух, словно пробуя на вкус, фамилии мастеров того времени – Густаво Бранка, Гаспаре Тальякоцци, Антонио Магниторо. Вместе они производили на человека из двадцать первого века впечатление небольшой, но очень продуктивной ячейки итальянской мафии, промышленявшей в пятнадцатом веке на Сици-

лии пересадками кожи. Однако постепенно это лёгкое весёлое ощущение ушло, и Виктор проникся темой максимально глубоко.

Европа, поражённая сифилисом и проказой, была благодарна искусству этих хирургов, но церковь задавила полезные начинания мастеров Средневековья. Платонова удивил факт, что Тальякоцци был проклят инквизицией за свои опыты, а книги его сожжены. И всё потому, что пластическая хирургия подобного рода «вмешивалась в работу Бога».

– Этот бред сплошь и рядом, – поделился Виктор с дедом впечатлением от прочитанного. – То кровь переливать – не богоугодное мероприятие. То прививки нам нельзя – бог не велит. То органы нельзя пересаживать... Сколько мусора у людей в головах.

– Ты читай, читай, – дед выслушал и указал пальцем на раскрытую книгу. – Экзамен мне сдавать не надо, но для общего развития очень помогает. Заодно сам подумай – если они в пятнадцатом веке такое делали, то почему ты в двадцатом не сможешь?

Виктор вернулся к учебнику, но где-то внутри понимал, что решение о пластике принято. Осталось только смоделировать всё и обсудить с дедом несколько моментов.

Закончив с итальянцами, он обвёл на листе бумаги свою ладонь и часть предплечья, отметив потом на рисунке рану Терентьева. Дед подумал немного, глядя на изображение, встал перед внуком, посмотрел на свою левую руку, согнул её в локте так, чтобы ладонь смотрела вверх, и прислонил к животу.

– Примерно вот так, – пояснил он свои действия.

– Выкраиваем с живота лоскут в виде перевернутой буквы «П» и пришиваем к краям раневого дефекта, – глядя на деда, медленно произнёс Виктор.

– А потом накладываем гипсовую повязку Дезо через левое плечо, – дополнил дед. – Ну, и можно ещё промежуток между ножками буквы «П» максимально зашить почти до основания лоскута.

– И как долго всё это будет в пришитом состоянии? – поинтересовался Виктор.

– Дней через десять берёшь в неотложной хирургии кишечный зажим – он мягкий очень – и начинаешь тренировать питающую ножку лоскута. В первый день зажмёшь на шестьдесят секунд, а потом будешь по минуте прибавлять ежедневно. В итоге ещё через десять или пятнадцать дней, когда поймёшь, что лоскут не бледнеет на зажиме, можешь его отрезать от живота и пришить свободный край.

Платонов смотрел сейчас на деда как на волшебника, который буквально за мгновение вылечил Терентьева.

– Культу хорошую сделали справа?

– К протезированию готов. Как с левой рукой разберёмся, так в округ поедет.

– А его уголовные дела на каком этапе? – поинтересовался дед.

– Пока неизвестно, – пожал плечами Виктор. – В палате с ним живёт охранник из комендатуры – правила у них такие. То есть он под конвоем постоянно. Поест, в туалет сходить – везде вместе. Охранник только в перевязочную не заходит. Конечно, ему с такими руками в тюрьме не место – это моё мнение. Возможно, у следователя другое.

Они помолчали. Дед присел обратно в своё кресло, взял одну из книг со стола, открыл, полистал, положил обратно.

– Был как-то в моей практике случай, – неожиданно сказал он, нарушив тишину. – Лет тридцать назад. Я уже и забыл про него, а вот поди ж ты. Один солдат в травматологии ударил медсестру. Он ей знаки внимания оказывал, а она ни в какую. Напился, утащил её в процедурную и попытался объяснить ещё раз, более предметно, если можно так сказать. И когда услышал очередное «нет», ударил её. Она закричала, кровь из носа полилась – с переломом потом обошлось, но вначале показалось, что всё гораздо хуже. На крик прибежали пациенты – из тех, что не на костылях. Оттащили его. Дежурный по части вызвал наряд, быстро оформили записку об аресте. И потом мы узнали, что он из машины сбежал. А что, собственно говоря,

удивительного? Бортовой ЗИЛ, он сам пьяный ещё, прыгай и беги. Разгильдяи из комендатуры ему даже наручники не надели. Прошло примерно дней пять, и поступает к нам в реанимацию солдат. Доставлен с железнодорожного вокзала. Пытался влезть в товарняк на маневровых путях, не удержался, упал. Лишился обеих рук. Я прихожу с обходом – а это наш Ромео. Лежит, смотрит в потолок, не моргает. Култышки на одеяло сложил, ни с кем не разговаривает... Пострадавшая медсестра потом приходила в реанимацию со следователем – она ж заявление на него писала. Посмотрела из дверей и даже заходить не стала. Заявление на следующий день забрала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.